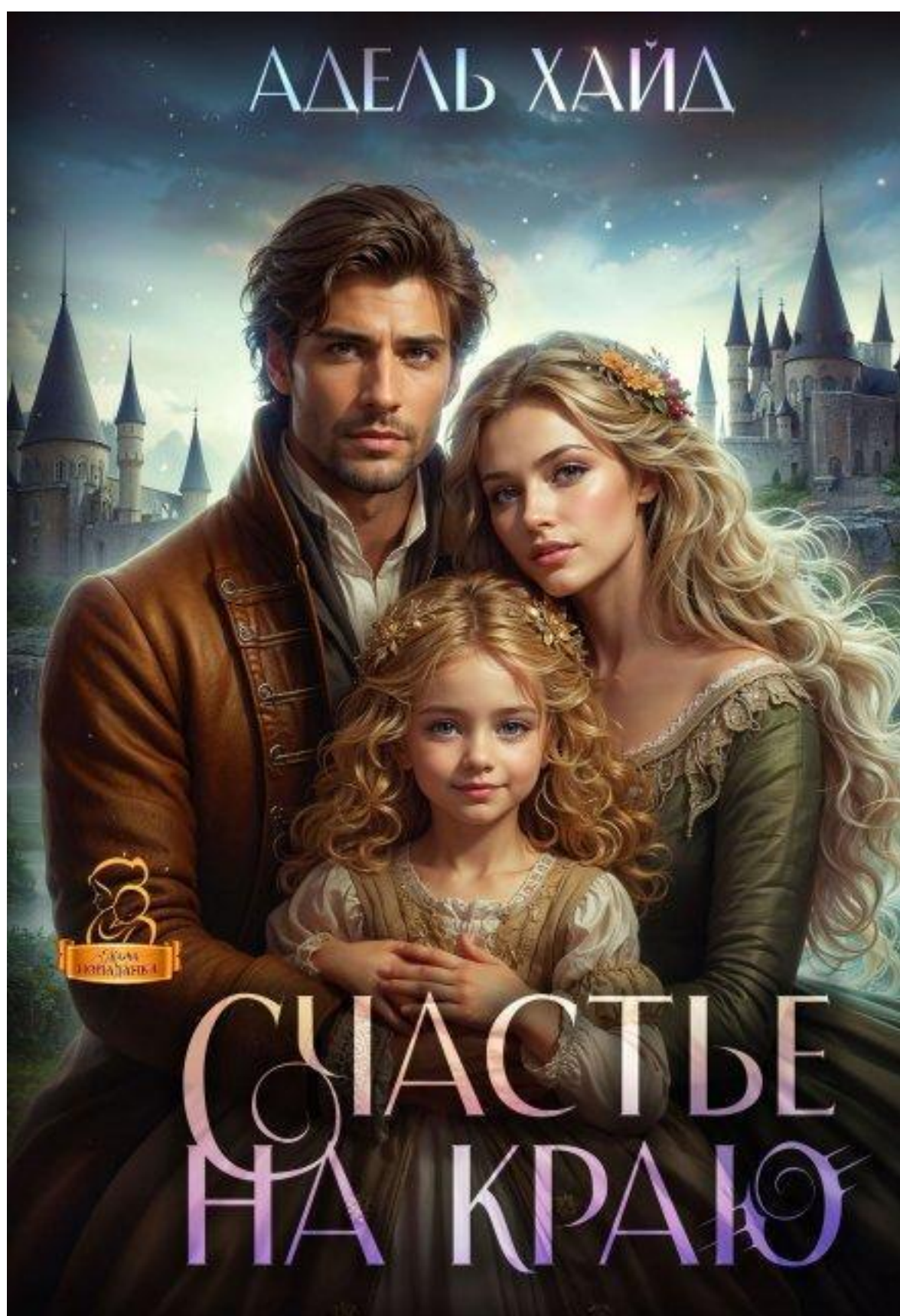

АДЕЛЬ ХАЙД

СЧАСТЬЕ
НА КРАЮ

Адель Хайд

Счастье на краю

«Литнет»

2024

Хайд А.

Счастье на краю / А. Хайд — «Литнет», 2024

Пришла в себя в лечебнице для нищих в этом странном мире с магией, после того как умерла в своём. Совершенно без памяти, денег и перспектив. Случайно узнала, что у меня есть дочь, но никто не мог сказать, где она. Смогу ли я её разыскать? Говорят, что она в замке на самом краю Королевства. Там живёт страшный маг, когда-то он убил свою жену и дочь, но разве может кто-то остановить попаданку Марию Валерьевну? Держись малышка, мама идёт! Возможно завязка сюжета вам напомнит «Отверженные» В.Гюго, но помните, что это сказка, а сказки всегда хорошо кончаются ♥# попаданка ♥# мрачный герой-маг ♥# (не)чужая дочка ♥# быт магического мира ♥# ХЭ гарантирован

© Хайд А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Визуал Мари Фантен	6
Глава 1.	7
Глава 2.	10
Глава 3.	17
Глава 4.	21
Глава 5.	25
Глава 6.	30
Глава 7.	34
Глава 8.	38
Глава 9.	42
Глава 10.	45
Глава 11.	48
Глава 12.	51
Глава 13.	54
Глава 14.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог

Неделю назад мне пришло подтверждение из замка, расположенного на самом краю королевства. У замка было романтическое название — Лебединый край. В подтверждении было указано, что я подхожу и мне готовы предложить должность экономки; в конверте также лежали контракт и чек, покрывающий расходы на дорогу.

Сумма была стандартная, рассчитана на то, что поеду я на добротном, но рассчитанном на простых людей транспорте, никаких индивидуальных карет или повозок не предполагалось. Зато хватало на еду и ночлег. Ехать в замок таким транспортным примерно две недели.

И вот уже неделю я трясусь в этом дилижансе, среди не всегда пахнущих розами горожан, перемещающихся между городами и посёлками королевства, так похожего на Францию восемнадцатого века. Но на самом деле это совсем другой мир.

А этот замок — моя последняя надежда. Именно там живёт человек, который год назад забрал мою дочку. Вернее, дочку молодой женщины, в тело которой я попала.

Теперь меня зовут Мари Фантен, а ещё не так давно я была Васильевой Марией Валерьевной, которая прожила сорок лет в своём мире и умерла во время пандемии.

Я вспомнила, как год назад пришла в себя в больнице для нищих в этом странном мире с магией, после того как умерла в своём. Совершенно без памяти, денег и перспектив. Спасибо, что одна из монашек рассказала, что у меня есть дочь, но никто не мог сказать, где и под чьим присмотром я её оставила.

И вот наконец я смогла её разыскать. Говорят, владелец замка — страшный человек, когда-то он убил свою жену и дочь. Меня все отговаривали ехать. Но разве может кто-то остановить Марию Валерьевну?

Визуал Мари Фантен

Глава 1.

Год назад

Первым, что я увидела, был высокий серый потолок, на котором не было никаких ламп, проводов, противопожарной сигнализации — ничего. Я совершенно точно была не дома. Последнее, что я помню, — это как я начала задыхаться. Такое странное ощущение: ты пытаешься вдохнуть, но внутри тебя как будто перекрыли возможность впустить в себя воздух. Потом, как сквозь туман, пробиваются даже не фразы, слова: ИВЛ, кома.

И вот я попробовала вдохнуть, воздух наполнил лёгкие, но сразу же захотелось прокашляться. Попыталась приподняться, но жуткая слабость не позволила, поэтому удалось лишь перевернуться на правый бок.

Так странно, пол тоже не был похож на больничный. Чистый линолеум, по крайней мере, когда я в последний раз лежала в больнице (это, конечно, было давно, там был светло-зелёный линолеум, который несколько раз в день протирали водой, остро пахнувшей хлоркой).

Здесь же были доски, причём следы песка, какой-то пыли и соломы, явно принесённой с улицы, давно никем и ничем не убирались.

Пока пыталась выкашлять комок, который мешался в горле, ко мне подошла женщина в чёрной рясе и ласково что-то начала говорить, придерживая мою голову.

Она говорила, как мне показалось, по-французски; прошло несколько секунд, прежде чем я осознала, что понимаю, о чём она говорит.

— Мари, я рада, что ты выжила. Погоди, я принесу тебе воды.

Она поправила подушку, помогла мне улечься повыше и вскоре принесла мне воды в глиняной кружке.

После нескольких глотков воды стало легче. И я попыталась задать вопрос, ещё не понимая, я его на русском задам или тоже на французском. Я окончила французскую школу и неплохо знала язык, но, конечно, не как носитель.

— Где я? — спросила и только потом поняла, что говорю всё-таки по-французски.

Голос был точно не мой, очень мягкий, мелодичный, словно журчащий ручеёк. У меня же был низкий голос, хриловатый из-за повреждения связок, полученного в детстве после сильной ангины.

Монашка с жалостью посмотрела на меня, погладила по голове, словно маленького ребёнка.

— Ты в лечебнице Святого Франциска. Здесь всем оказывают помощь.

И тут я обратила внимание, что, помимо меня, в комнате стоит ещё с десятков кроватей, на которых кто-то лежит.

— А-а почему я здесь?

И снова монашка с жалостью на меня посмотрела:

— Всё-таки ритуал почти убил тебя, девочка. Ты хоть что-то помнишь?

Я замотала головой, всё ещё не веря в происходящее. Какой, на фиг, ритуал? Какая девочка?

Оказалось, что зовут меня Мари Фантен, мне двадцать три года, и здесь я оказалась, потому что не могу оплачивать лечение. А поплохело мне из-за того, что я решила продать свою... магию. Но что-то пошло не так, и, судя по всему, Мари умерла. Я, наверное, тоже умерла, там, в двадцать первом веке, под аппаратом ИВЛ, и оказалась здесь, в магическом мире в королевстве, похожем на Францию восемнадцатого века.

И ещё у меня есть дочь, а так как на работу здесь не принимали девушек с детьми, то она жила в какой-то семье, которой я посылала деньги на её содержание. Но меня выгнали с работы, и всё, что мне оставалось, — это либо пойти на панель и начать продавать себя, либо

продать магию. Видимо, Мари ещё не настолько отчаялась, чтобы продать себя, и решила, что сможет пережить ритуал забора магии, хотя он и считался очень опасным.

Но постоянные лишения, голодания и стрессы ослабили организм девушки, и Мари умерла.

На этом монашка отвлеклась, кто-то на соседней койке пришёл в себя и застонал. Она пообещала ещё раз подойти ко мне и принести что-нибудь поесть.

Я же лежала, глядя в серый потолок, и вспоминала.

Я Васильева Мария Валерьевна, сорока лет от роду, бездетная, последнее время вечно сидящая на диетах с полной бесполезностью для своих девятисто трёх килограммов при росте метр шестьдесят пять. Когда всех посадили на карантин из-за ковида, переехала к маме и вот сама заболела. Вызванный врач, измерив уровень кислорода в крови, сделал тест, покачал головой, выписал какие-то лекарства и «доброжелательно» так сказал:

— Вес у вас большой, девушка. Если почувствуете себя плохо, сразу вызывайте скорую, не ждите.

Я ещё тогда пошутила, что, мол, за девушку отдельное спасибо.

Хотя, после того как ушла от мужа семь лет назад и сделала аборт, когда узнала, что он живёт на две семьи и там у него уже двое детей, всего за три года набрала двадцать килограммов и вот теперь больше похожа на бегемотика, чем на девушку.

У нас долго не получалось с мужем зачать, и вот наконец мне удалось забеременеть. И надо же такому случиться, что мне захотелось сразу об этом сообщить мужу. Поехала к нему на работу, у него свой офис небольшого архитектурного бюро в центре города. Офис располагался в жилом доме на первом этаже. Вхожу в офис и сталкиваюсь с молодой блондинкой, выходящей из офиса и ведущей за руку двоих детей, мальчиков.

Отступаю, чтобы дать возможность выйти, и тут вижу, как её нагоняет мой муж, подхватывает одного из мальчишек на руки, чуть подбрасывает, целует. В это время второй протягивает к нему ручки и кричит:

— Папа, и меня, и меня!

Он подбрасывает и второго, целует женщину и говорит:

— Сегодня ночевать не приду, меня не ждите, буду завтра.

Я сразу позвонила его другу, который вроде бы считался другом нашей семьи, и задала тому вопрос в лоб.

Он не стал мяться и скрывать, сказал, что да, все знали. Положила трубку и поехала к нотариусу.

Уже через два часа все документы были переделаны.

Дело в том, что мне от отца досталась фабрика по производству декоративных изделий из керамики. Собственно, так мы и познакомились с мужем. Он как архитектор присутствовал на одном из обучений, которые проводила наша компания. Я тогда уже активно помогала отцу и презентовала наши изделия, где их применять, как с ними работать и так далее.

А муж, тогда ещё просто свободный дизайнер без своего офиса и без квартиры, подошёл ко мне, чтобы уточнить пару вопросов. Потом мы начали встречаться, и уже через полгода он предложил мне руку и сердце.

А через год ушёл из жизни отец, и его дело в свои руки взяла я. Мужу помогла открыть архитектурное бюро, много он не зарабатывал, но самореализовывался.

«Ага, хорошо так самореализовался», — подумала я, вспомнив блондинку с двумя детьми.

В общем, из всех завещаний и страховых программ муж был удалён согласно брачному договору; вот здесь спасибо папе, я могла в одностороннем порядке выйти из брака, если не было детей.

Мужу написала, что мне надо срочно уехать на неделю, и занялась расторжением брака. Первым делом пошла и сделала аборт. Справку о том, что не беременна, отнесла юристам. Только потом я поняла, какую страшную ошибку я совершила, но в тот момент словно чёрная пелена накрыла меня, я считала, что всё делаю правильно. Дура!

Через неделю, измотанная, но нисколько не сомневающаяся в правильности того, что делаю, вернулась домой. Осмотрелась вокруг. Большая двухэтажная квартира в престижном районе в шикарном новом доме бизнес-класса. Мужа дома не было, но была записка, что он соскучился и постарается приехать с работы пораньше. Времени было мало, поэтому первым делом я собрала его вещи и отправила ему на работу. Охрану предупредила, что нахожусь в процессе развода и мужа пускать нельзя. Прописан он не был, квартира полностью принадлежала мне, поэтому вопросов у управляющей компании не возникло.

Следующий звонок был агенту по недвижимости. Выставила квартиру на продажу. Себе же попросила подобрать что-то поскромнее в этом же районе.

Уже через неделю я жила в прекрасной двухкомнатной квартире с видом на пруд. Огромные окна в пол, низкие широкие подоконники с подушками, тихий закрытый двор.

С мужем я больше не общалась, удалив его контакт и заблокировав. Получила кучу сообщений от «друзей», которые писали, что очень рады, что я наконец-то созрела. Их я тоже заблокировала.

Радость ушла из жизни, меня накрыло осознание, что я совершила непоправимую ошибку, которую уже не исправить. Чувство вины переполняло меня. Я убийца, своими руками уничтожила... себя. И я «умерла».

Нет, я продолжала жить, спать, дышать, есть, ходить на работу, но на самом деле это я просто притворялась. Боль и вина разъедали меня. Я перестала за собой следить, ударились в бизнес и сладкое: тортики, пирожные и мороженое. Когда спохватилась, то выяснилось, что надо менять весь гардероб. Шмотки оверсайз сидели на мне в обтяжку. Сахар в крови зашкаливал. Зрение упало, сердце начало сбоить.

Решила, что надо взять себя в руки, попробовать исправить ошибку. Но голодания, спортзал, врачи, диеты, иглоукалывания, таблетки — ничего не помогало. Вернее, помогало, но стоило остановиться, и всё моё возвращалось. В конце концов я плюнула на это и успокоилась, пока не пришла пандемия.

И вот я заболела и однажды утром не смогла вдохнуть. Хорошо мама была рядом, она вызвала скорую, и меня срочно госпитализировали.

А сейчас я проснулась здесь.

Да, я прощупала себя под тонким серым одеялом: нет жирненького живота, зато явно торчат тазовые кости, рёбра и почти нет груди.

И вообще, такое впечатление, что я недоедала, и довольно долго.

Глава 2.

После жидкого бульончика, больше напоминавшего тёплую водичку с картофелиной, забылась сном. Во сне мне приснилась маленькая девочка, светленькая, с кудряшками; голубые глазки смотрели серьёзно. На девочке было поношенное серое платье и большие, явно не по размеру, башмаки.

Дочь. Вдруг осознала, что это моя дочь. Я не знала никогда эту девочку, но вдруг поняла, что это мой второй шанс, что я могу исправить ту фатальную ошибку, которую совершила по большой глупости. Это мой шанс стать мамой, и этого ребёнка я спасу, а он спасёт меня.

Вскочила так, что даже закружилась голова. Но почему она в таком виде, как будто уличный ребёнок? Может, это просто какие-то воспоминания?

Ночью ещё несколько раз просыпалась. Девочка больше не снилась, но один раз приснился какой-то плешистый мужик, который кричал на меня, что я обманщица и мошенница и он не заплатит мне ни су*, а я плакала и умоляла его, даже встала на колени.

(*су — денежная единица и монета Французского Королевства во второй половине XIII —XVIII веков)

Следующий раз я проснулась под утро. Кто-то сильно кашлял, потом затих, а ещё через некоторое время пришли монашки, и с ними — здоровый мужик, который завернул тощее тело и вынес куда-то, словно сломанную куклу.

Я поняла, что надо отсюда уходить. Да, слабость ещё была страшная, но страшнее было заполучить какую-нибудь заразу в этой лечебнице, куда брали всех.

В узкие окна пробивался серый свет, ко мне снова подошла монашка, с которой я говорила в первый день.

— Как ты, Мари?

— Я хочу уйти. Мне надо найти дочь, но я совсем не помню, где я её оставила.

— Куда же ты пойдёшь? У тебя совсем нет денег, — жалостно сказала монашка, потом строго посмотрела на меня и спросила: — Надеюсь, ты не решила идти по лёгкому пути распутных женщин?

Меня даже передёрнуло, как представила себе, что здесь в условиях антисанитарии непонятно какие болезни и люди — и я пойду по пути Сонечки Мармеладовой?

Ну уж нет! Насколько я знаю, работы всегда много, просто люди думают, что это тяжело, но я лучше свинарник убирать буду, чем пойду торговать собой.

Тем более, — на этом моменте моих размышлений стало весело, — что вряд ли дадут много, уж больно я тощая.

— Нет, конечно, матушка, пойду искать работу. Может, вы мне подскажете, что бы я могла делать?

На мгновение показалось, что монашка не очень хотела, чтобы я уходила, но, возможно, я ошибалась.

— На фабрику снова тебя не возьмут, там всё тот же управляющий, который тебя выгнал, когда узнал, что у тебя есть ребёнок, — начала говорить монашка.

Я удивилась:

— А почему нельзя иметь ребёнка?

Монашка сочувственно покачала головой:

— Можно, конечно, но если у тебя есть муж или ты вдова, а не девица, которая нагуляла ребёнка неизвестно от кого.

«Упс, — подумала я, — вот это поворот, значит, мужа-то нет. Так это даже хорошо. Зачем мне какой-то незнакомый мужик?»

— И что, теперь меня никуда не возьмут? — понимая всю неприглядность картины, переспросила я.

— В городе вряд ли, — мягко ответила монашка. — Вот если бы ты умела считать, писать, тогда можно было бы поискать работу в небольших имениях за городом.

«Бинго! Вот и мой козырь!» — подумала я, а вслух сказала:

— Так я умею и читать, и писать, и считать.

Монашка посмотрела на меня с подозрением:

— Пойдём.

Помогла мне встать с кровати, надеть толстые тапки на завязках и повела из общей комнаты куда-то по узкому коридору.

Меня ещё знатно пошатывало, но я понимала, что если продолжу лежать, то так здесь и останусь.

Вошли в небольшую комнату, похожую на келью. В углу и вправду стояла узкая кровать, рядом — небольшой стол, на нём были письменные принадлежности.

— Садись, — неожиданно строго сказала монахиня. Положила передо мной желтоватый лист бумаги и сказала: — Пиши.

— Что писать?

— Имя своё пиши.

Сначала неуверенно: было заметно, что рука Мари не была приучена держать перо. Но моя-то была, поэтому несколько медленно, но у меня получилось вывести первые буквы имени, а вот уже фамилию я написала довольно быстро.

Потом матушка Боншон (оказывается, у монахини тоже было имя, которое она мне продиктовала, чтобы посмотреть, как я пишу другие слова) задала мне несколько элементарных арифметических задач.

С этим, конечно, я справилась ещё быстрее. Ну серьёзно, самым сложным было сложение и вычитание цифр до тысячи.

Довольная проведённым тестом, матушка Боншон взглянула на меня и озадаченно проговорила:

— Но почему ты, грамотная, пошла работать на эту ужасную фабрику? Ты могла бы устроиться на совсем другие деньги и уже точно не продавать магию.

— Я не помню, матушка, — ответила я, радуясь, что у меня есть официальная причина, так сказать.

Монахиня погладила меня по голове:

— Вот и волосы свои ты продала. Теперь пока не отрастут, не сможешь понять, осталась у тебя магия или сожгли тебе каналы-то. Забрать-то не смогли, а вот вовремя не остановили, ты и выгорела.

Матушка снова с жалостью посмотрела на меня и продолжила:

— Ну, волосы — это не страшно! Платок завяжем, сейчас многие так носят, а то объясняй каждому, что с волосами. Дам я тебе письмо рекомендательное в один дом, в дне пути от столицы. Там им нужна экономка, которая может и еду приготовить, и убратся. Денег у них немного, но люди порядочные.

Предложение, конечно, было шикарным, но меня смущал один момент.

— Матушка, а я же не помню ни какие цены, ни где что покупать.

— Не волнуйся, Мари, я всё им напишу, там тебя и научат. Только платить, конечно, много не смогут, но всё-таки больше, чем ты на своей фабрике получала за двенадцать часов тяжёлого труда.

Как бы мне ни хотелось уйти уже сегодня, пришлось остаться ещё до утра следующего дня. Я озвучила свои опасения матушке Боншон, и она — ну что за чудесная женщина! —

оставила меня на ночь в свободной келье. Мне даже дали таз и допустили в местную помывочную.

Правда, пол там был склизкий, а толстые тапки меня заставили снять. Вместо мыла дали горшок с какой-то вонючей жижей, похожей на смесь золы и жира. Но учитывая, что приютившее меня тельце недельку точно не мылось, то и это меня порадовало. Главное, что вода была почти горячей.

Я спросила у матушки Боншон, неужели магией нельзя что-то сделать с чистотой и с подачей воды. Монахиня снова грустно погладила меня по голове, вздохнула и сказала:

— Совсем ты как маленькая стала, ничего не помнишь. Магия такая называется бытовая, и она очень дорогая. Редко у кого бывает, все такие маги — дворяне, и они на особом учёте, служат королю за большие деньги. А у кого-то из простых редко бывает, да и то крохи. Это если в роду кто-то из аристократов нагрешил. Вот у тебя как раз такая бытовая магия-крошка и была, поэтому и вцепились в тебя, и всё пытались вытащить, да, видно, не судьба.

Матушка вздохнула и продолжила:

— Может, и хорошо, что ты оказалась здесь. Никто и не вспомнит, что ты не выжила. А то вдруг магия восстановится, и тогда они снова захотят отобрать её у тебя. Контракт-то твой не вернули. Поди докажи, что он не выполнен с их стороны.

Утром, хорошо выспавшись: в келье было значительно теплее и спокойнее, никто не хрипел, не кашлял, не стонал, и даже сны мне в эту ночь не снились, — я оделась в простое серое платье, которое было мне великовато, хотя матушка Боншон утверждала, что это именно моё платье. Получив от матушки последние напутствия и рекомендательное письмо, в которое матушка положила и результаты моего «тестирования», я вышла из лечебницы.

Снаружи светило солнце, душу грело то, что есть такие люди, как матушка Боншон, которая дала мне с собой булочку и ещё вложила мне в руку две монетки, сказав, что за одну меня довезут до Шантильи, где находится дом семьи Моран, который и был конечной точкой моего путешествия, а на вторую я смогу купить себе поесть в дороге, потому что ехать мне примерно четыре часа.

Есть не хотелось, решила, что денёк потерплю. Монетку отложила подальше и пошла искать станцию дилижансов, чтобы купить билет.

До отъезда из Парижа мне ещё надо было зайти на фабрику, найти товарок Мари, которой она, возможно, могла рассказать, где и у кого оставила дочку.

М-да, магическая версия Парижа не впечатлила. Возможно, в богатых кварталах и было чисто, но то, что я видела, проходя по краю центрального округа, выглядело грязно, нище и вонюче. Хотя по расположению монастырь Святого Франциска находился почти в центре, недалеко от Лувра. Навоз на улицах, которые, кстати, были вымощены брусчаткой, был наименьшим из зол. Клошары кучками возились практически около всех храмовых зданий, которых в центре было очень много.

От Сены ощутимо пахло, был конец весны, видимо, переход от холодного времени на тепло спровоцировал гниение того, что накопилось в этой «романтической» реке.

Фабрика располагалась на другом берегу Сены, там, где не было дворцов и было мало храмов, зато виднелись трубы производств; из некоторых уже валил чёрный дым.

Что же производили на той фабрике, где работала Мари?

Перейдя на ту сторону, сразу ощутила большую разницу. Нищих здесь почти не было. Оно и понятно: некому было подавать. Люди почти все ходили в такой же серой одежде, которая была и у меня, были хмурыми, и даже продажные женщины, встречавшиеся иногда на перекрёстках, были одеты серо.

«Рабочий район», — решила для себя и, сделав уверенный вид, пошла искать фабрику.

К удивлению, нашла, причём я бы точно прошла мимо, но вдруг меня окликнула одна из женщин, направлявшихся к зданию фабрики.

— Мари, ты ли это?

Я подошла, женщина улыбнулась, у неё не хватало двух верхних зубов. Я остановилась, женщина явно знала Мари.

— Ты что, Мари, не помнишь меня? Я же Кларисс, — с удивлением в голосе произнесла женщина.

— Прости, я не помню никого, магию хотела продать, чуть не умерла.

Женщина, которая назвалась Кларисс, тут же смягчилась и покачала головой:

— Всё-таки решилась, да? Получилось?

Я покачала головой:

— Нет, не вышло. Очнулась в лечебнице для нищих, ничего не помню.

Кларисс начала поглядывать на толпу женщин, стоявших на входе в здание.

— Послушай, Мари, мне пора, — сказала она, озираясь, как будто боялась, что кто-то увидит её стоящей рядом со мной.

Но я не могла отпустить её просто так: возможно, она знала, где мне искать дочь.

— Постой, Кларисс, может, я говорила, где оставила свою дочь?

Но Кларисс уже отходила от меня, на ходу качая головой.

— Ты никому не говорила про дочь.

Вдруг из-за спины раздался неприятный мужской голос — неприятный потому, что говоривший странно тянул согласные, произнося их сильно в нос.

— Так-так, и кто же это у нас здесь? Неужели шлюха Мари Фантен? Я что, тебе в прошлый раз плохо объяснил?

Я обернулась и увидела того самого плешивого мужика из моего сна, перед которым Мари падала на колени.

Одет он был не в пример толпившимся у входа на фабрику работягам. Добротный, чистый камзол чёрного цвета, брюки серые, ботинки из хорошей кожи. Под камзолом была желтовато-белая рубаша и завершал образ шейный платок тоже серого цвета, как и брюки.

— Чего уставилась? Оглохла, что ли?

Поняла, что вот этот плешивый и есть управляющий фабрикой, и он вполне может знать, где находится дочь Мари: откуда-то же он узнал о тщательно скрываемом секрете. Но нормально спросить мне помешала злость, ведь из-за этого что Мари пришлось пойти на смертельный ритуал. И вместо того чтобы поклониться и ответить, я спросила:

— Господин, а откуда вы узнали, что у меня есть дочь?

Управляющий даже замолчал, так его возмутило моё нахальство, но он всё же решил вернуться к своему противному тону.

— Если ты пришла обратно проситься, то это бесполезно. Ты же видела договор — на работу берём только бездетных.

Проговорив это, плешивый развернулся и пошёл к входу на фабрику, где прикрикнул на женщин, которые расступились перед ним, и вскоре он исчез за дверями.

Как только управляющий вошёл внутрь фабрики, я почувствовала, что кто-то тронул меня за локоть. Это была очень пожилая женщина, у неё было мало зубов и от неё плохо пахло.

Женщина, я бы даже сказала старуха, откашлялась, смачно сплюнула и хриплым голосом сказала:

— Мари, помнишь ли ты старую Лю?

— Нет, я не помню никого, — сказала я, стараясь не морщиться от запаха немытого тела, исходящего от женщины.

— Я слышала, что ты спрашивала Кларисс и господина Гризмо о дочери. — Старуха снова закашлялась, снова сплюнула.

Меня начало подташнивать — настолько она была противной.

Я промолчала, почему-то мне казалось, что старуха ничего не знает, просто решила пожить за мой счёт.

Но старуха оказалась очень настойчивой и оправдала моё мнение.

— Мари, если ты дашь монетку старой Лю, то я тебе расскажу, где ты оставила свою малышку.

Конечно, монетку я отдавать не собиралась, но не выслушать противную старуху означало упустить возможность узнать, где искать дочку. Я предложила ей булочку, которую выдала мне сердобольная матушка Боншон.

То, как старуха вцепилась в булочку, заставило меня устыдиться своих плохих мыслей о ней: даже если она привирала, она действительно была голодная. Пришлось подождать, пока старуха немного насытится, разминая булочку беззубым ртом.

— Вы скажете мне, что вы знаете? — теряя терпение, спросила я, обратив внимание на то, что женщины, спешившие на фабрику, смотрели на старуху с брезгливостью, а некоторые даже с ненавистью. Или мне так показалось?

— Куда ты торопишься? — хрипло проговорила старуха. На губах у неё застряли крошки от булочки, было неприятно на неё смотреть. — Или ты думаешь, что ты нужна своей дочери вот такая вот полумёртвая, без работы и без денег? Почему бы тебе не подзаработать, перед тем как ты поедешь к дочери?

И тут до меня дошло. Вот же старая сутенёрша! Скорее всего, она узнала о дочке от Мари, когда ту вышвырнули на улицу с фабрики. А старуха, похоже, постоянно здесь ошивается, сразу предлагая несчастным девушкам «непыльную» работёнку. Поэтому девушки и женщины, идущие на фабрику, так неприязненно на неё смотрели, потому что в определённый момент каждая может оказаться потенциальной кандидаткой для уговоров этой старухи.

А я её ещё пожалела, булочку ей дала. Бог с ней, с булочкой. Но просто обидно, возможно, мимо меня прошёл кто-то из работниц фабрики, кто мог что-то знать, а я здесь стою с этой вонючкой, кормлю булочкой и выслушиваю её грязные предложения.

Преодолевая брезгливость, я наклонилась к старухе так, чтобы она точно услышала, и проговорила ей прямо в лицо, надеясь, что раз уж тут есть магия, то мой блеф должен сойти за правду; хотелось ещё схватить её за рубашку и потрясти как следует, но не хотелось пачкать руки:

— Слушай, ты! Либо ты мне сейчас же говоришь, где моя дочь, либо я тебя, старую, вонючую сутенёршу, прокляну.

И сразу после этих слов рубашка, надетая на сутенёршу, вдруг начала её душить. Старуха захрипела и свалилась на землю, пытаясь руками оторвать взбесившуюся рубашку от шеи, но рубашка ещё больше вцеплялась в старуху.

Я растерянно оглянулась по сторонам: может, у старухи что-то не так с одеждой или у меня галлюцинации от голода?

Я протянула руку и попыталась помочь с рубашкой-душительницей старухе, которая уже хрипела, катаясь в пыли. И тут произошло чудо — старухина рубашка взяла и успокоилась.

Старуха-сутенёрша встала на колени, не пытаясь подняться, и, не поднимая головы, проскулила:

— Госпожа магичка, не убивайте меня, старая Лю вам всё расскажет.

Я обернулась, чтобы посмотреть, кого старуха называет госпожой, но никого не увидела. Посмотрела на свою руку: ничего необычного на руке не было. Наклонившись, снова протянула руку к старухе, но та, подняв глаза и увидев, что я протягиваю к ней руку, весьма бодро вскочила и отскочила от меня.

Я решила, что она может убежать, и схватила её за рукав. Старуха заголосила, пришлось снова припугнуть:

— А ну, замолчи сейчас же.

Старуха замолкла. Вонять, конечно, не перестала, но, по крайней мере, не пыталась убежать.

— Говори, — сказала я, понимая, что, пока старуха боится магичку, она мне всё расскажет.

— Я знаю только город. Слышала, как ты... простите, вы собирались туда ехать после того, как получите деньги за магию.

Старуха замолчала. Я ждала.

Неожиданно старуха решила поторговаться:

— Мне бы монетку.

Но что-то в моём лице подсказало старухе, что не стоит усугублять. И она, вздохнув и обдав меня смрадным дыханием изо рта, в котором явно было много гнилых зубов, обречённо сказала:

— Бурж, ты собиралась в Бурж, — снова перешла на «ты» старуха и, развернувшись, заковыляла в сторону от фабрики.

Мне пришлось снова догнать её:

— Где там, в Бурже?

— Этого я не знаю, но ты говорила, что там семья, в которой тоже были дети, две девочки, — устало сказала старуха. Потом странно на меня посмотрела и тихо добавила: — Могла бы и поисковика нанять.

Я стояла и смотрела в спину удаляющейся от меня старой Лю, как она сама себя называла, и понимала, что зря расстраиваюсь, потому как если старуха сказала правду (а мне казалось, что да), то у меня есть направление. Теперь я знаю город, это Бурж, и если он похож на тот, который в моём мире, то это очень небольшой городок, и, скорее всего, я смогу найти там семью с двумя маленькими девочками плюс дочка Мари. Вернее, теперь моя дочка.

Её странная фраза, что я могла бы нанять поисковика, смущала. Насколько я поняла, по информации от матушки Боншон, магия в этом мире была, но крайне редко встречалась у простолюдинов; в основном ей владели аристократы. И с какого такого перепуга кто-то из аристократов будет мне помогать искать мою дочь?

Я решила пока выкинуть это из головы, как и непонятную ситуацию с неизвестной магичкой, которая помогла мне разговорить старуху.

Но старуха была права: сначала надо устроиться на работу, потому что ребёнку нужен дом.

Понимая, что от старухи больше ничего не добиться, я не стала её догонять. Решила пойти на станцию дилижансов и купить билет, чтобы поехать в Шантильи в дом семьи Моран, где меня ждёт работа. И надеюсь, что в первый же выходной у меня будет и время, и деньги съездить в Бурж.

Чтобы дойти до станции дилижансов, мне пришлось снова пройти через мост в другую часть города. До другой стороны я добралась без особых приключений. Правда, уже перед самым мостом мне показалось, что за мной идёт какой-то мужчина, который, увидев, что я обратила на него внимание, остановился и, засунув руки в карманы рабочей куртки, резко повернул и пошёл в другую сторону. Я же поспешила перейти через мост.

Вспоминая инструкции от матушки Боншон, снова прошла до центральной площади.

На центральной площади мне снова стало жалко булочку, которую я отдала сутенёрше, потому что там стояли тележки, возле которых сутились женщины, зазывая утренних прохожих и предлагая им лепёшки. От них так обалденно пахло и жареной рыбой, и мясом, и просто какими-то специями, что у меня тут же заурчало в животе, который, казалось, и вовсе прилип к спине. И так захотелось есть, что я поспешила поскорее сбежать с «вкусной» площади и направилась к западной части города, где должна была находиться станция дилижансов.

Вскоре я увидела табличку, о которой рассказывала мне матушка Боншон, и поняла, что без проблем дошла до станции.

Матушка сильно волновалась, рассказывая, чтобы я держала подальше, особенно если увижу группы мужчин. Матушка говорила, что в это время разные гуляки расходятся из игральных и весёлых домов и могут быть пьяными и разгорячёнными. Даже жандармы предпочитают с ними не связываться, поэтому в утреннее время редко можно встретить жандармов на улицах. Несколько раз я действительно видела шумные компании, состоящие из мужчин и ярко одетых женщин, но, следуя совету матушки, старалась их обходить.

Конечно, матушка преувеличила, что я могу быть кому-то интересной. Тошная, в сером платье, с таким же серым платком на голове, вид я имела весьма плачевный, да ещё и ходила, пока еле переставляя ноги. В целом меня даже устраивало такое положение дел, потому что давало ощущение безопасности. Проходящие мимо прохожие, казалось, не замечали меня. Несколько раз я встречала крикливо одетых женщин, в основном с пышными формами. На них было страшно смотреть, казалось, что парижская грязь въелась в них с макушки до пят — так фонило от них безысходностью.

Тогда я ещё не знала, что это во мне просыпается магия, и что её первое проявление случилось в ситуации со старухой, просто казалось, что воспринимаю всё через призму прошлого опыта.

Конечно, мне, человеку, всю жизнь прожившему в мире, где магия есть только в книжках да ещё на канале Рен-ТВ, было сложно поверить в то, что я только силой своего желания способна изменять окружающее пространство. Но об этом я узнала позже. А сейчас я шла и пыталась понять, хватит ли мне монетки на покупку билета до Шантильи.

Монетки хватило, правда, сесть я могла только в хвосте фургона, но мне так даже больше нравилось, потому как в голове фургона, может, и трясло меньше, но и воздуха там было гораздо меньше. А учитывая, что в фургон набилось около двенадцати человек, то наличие маленького окошка в двери становилось неоспоримым преимуществом.

Вскоре я уже сидела в дилижансе и ехала в новую жизнь. Что ждало меня там, я не знала, но знала точно, что второй шанс я не упущу.

Глава 3.

Граф Рено де Демартен был счастливым человеком. Он был сильным магом, в его роду магия передавалась по наследству, никогда не вырождаясь. Он был молод, силен, красив и богат.

Граф женился на красивейшей женщине Королевства. Причём женился по любви, и уже скоро у него с женой родилась очаровательная дочь. В таком ощущении полного счастья прошло три года. Пока граф вместе с супругой не приехал на празднование дня рождения короля.

Королю Карлу IX исполнилось шестьдесят лет. В молодости король был красив, но невоздержанность в еде и в других удовольствиях не могла не отразиться на его внешности. Сейчас король был грузен, страдал болями в ногах и одышкой, отчего характер короля в значительной степени испортился. Но, несмотря на проблемы со здоровьем, король продолжал любить красивых женщин и, увидев супругу графа, сразу же возжелал её.

Сначала граф и его супруга были приняты словно дорогие гости, а потом прозвучало тайное предложение от короля графине. Супруга графа, которая всегда чувствовала себя защищённой за спиной мужа, резко отказалась и пожаловалась супругу.

Граф был человеком прямым, влиятельным, чувствовал себя уверенно, потому что графство Демартен занимало почти половину Королевства. Графство было расположено на западной оконечности Королевства, славилось своими богатыми недрами: там были и соляные озёра, а в горах шли разработки жил с драгоценными камнями, железной рудой. Помимо этого, в графстве были огромные зелёные пастбища, где паслись знаменитые демартеновские овцы и коровы. Также в графстве имелось озеро с уникальной голубой глиной, которая якобы излечивала все болезни.

В венах графа де Демартена тоже текла королевская кровь, но не Валуа, к ветви которой относился Карл IX, а Меровингов, легендарных королей, стоявших у основания Королевства.

Но Демартены не зря на щите носили девиз: «Без лести предан», поэтому, с тех пор как прапрадед Демартена присягнул текущей королевской династии, все Демартены хранили верность королям Валуа.

Граф ощущал себя в безопасности. Он был в гостях своего суверена, поэтому с собой у него был только небольшой отряд, но всё это были проверенные воины, с которыми он прошёл немало сражений, и поэтому заявил королю, что тот неправ.

Король сделал вид, что принял его отказ, пожурил графа, словно сына. Но той же ночью у покои, где ночевали граф с женой, ворвалась личная гвардия короля. Графу удалось отбиться и дать время своим людям вывезти жену в безопасное место. Самого же графа схватили и бросили в темницу, обвинив в покушении на короля.

Люdiam графа удалось вывезти его жену и увезти её в графство, где у графа была своя маленькая армия.

Что пережил граф в подвалах королевского дворца — неизвестно, но на суде никто не узнавал красавца графа де Демартена. Лицо его было в кровавых шрамах, одну ногу граф подволакивал. На суде граф подтвердил, что готовил покушение на короля и захват власти. В связи с чем его признали виновным и приговорили к казни через отделение головы от тела.

В тот же день супруге графа доставили пакет, в котором была копия решения суда, а также письмо от короля, который предлагал ей выкупить жизнь мужа всего за одну ночь.

Графиня согласилась.

Король сдержал обещание и сохранил жизнь графу, заменив казнь на теоновые* рудники.

*(*теон (выдуман.) — минерал, используемый для изготовления артефактов для хранения магии)*

Над всеми магами, приговорёнными к рудникам, проводили ритуал по забору магии. На рудниках, где добывали кристаллы теона, магия заключённым была не нужна, потому что она негативно влияла на качество камней.

На рудниках долго не жили, потому что камень был весьма токсичен, пока не его не превращали в артефакт, делая безопасным для носителя.

Король зло посмеялся над графом и графиней: для сильного мага, каким был граф, это было хуже смерти. Да ещё перед ритуалом король намеренно зашёл к графу, прикованному к стене в темнице, и, смеясь, рассказал, как его жена приползла к нему и что он с ней делал.

Так самый богатый и сильный маг королевства за несколько недель стал заключённым под номером пять, без имени и без будущего. Но начальник рудника любил выделить бывших аристократов и давал каждому имя, заключённый номер пять получил имя Жан. С рудников обычно не возвращались.

Но через три года на Королевство обрушилась эпидемия болезни, которая поражала только магов. Старый король не смог пережить и умер, кроме него, умерло ещё много представителей аристократических родов, и в их числе законный наследник Карла IX и супруга графа. Болезнь забрала сначала маленькую дочку, а потом и мать.

На престол взойшёл герцог Ангулемский, бастард Карла IX, после коронации, получивший имя Генрих V, и как человек, сам испытывший на себе безумие отца, первым делом освободил всех, кто незаслуженно пострадал от рук сумасшедшего короля.

Он понимал, что каждая земля привязана к своему владельцу и без наличия хотя бы одного истинного Демартена никто не сможет полноценно править на землях графства. Уже сейчас в рудниках и шахтах начинались обвалы, а на прекрасные пастбища и скот обрушивались различные напасти.

И однажды утром в келью к заключённому Жану вошёл надсмотрщик.

Заключённый Жан давно не спал, он лежал, уставившись в потолок. Он давно уже пересчитал все трещинки, которыми был усеян деревянный потолок его камеры. Да, у заключённого Жана была отдельная камера после того, как он покалечил особо непонятливых, кто пытался посягнуть на его койку и мужественность.

Заключённый Жан был признан агрессивным, неделю провёл в карцере без еды и с одной кружкой тухлой воды в день. По выходу из карцера был определён начальником рудника на проживание в отдельную камеру.

Работников и так всегда не хватало, а если Жан будет калечить каждый день хотя бы по одному, то скоро надсмотрщикам самим придётся лезть в рудник, чтобы выполнить норму.

Обычно Жан спал всего два-три часа, когда возвращался из рудника и падал от усталости на узкую койку, потом просыпался и лежал до рассвета, вспоминая, кем он когда-то был. Последнее время он всё реже мог вспомнить лицо любимой женщины и синие глазки маленькой белокурой девочки. Поэтому просто лежал и пересчитывал трещинки на потолке.

— Вставайте, ваше сиятельство, — издевательски произнёс надсмотрщик, — на выход.

Жан решил, что настал счастливый день и он наконец-то сможет умереть. Поэтому он встал, улыбнулся, продемонстрировав всё ещё крепкие зубы на покрытом шрамами лице, оставшимися ему на память от гостеприимства короля, и ударил надсмотрщика в лицо, решив перед смертью получить удовлетворение, раздав долги тем, кто этого заслуживал.

Надсмотрщик, не ожидавший удара, упал, схватившись за лицо.

Гнусаво прохрипел:

— Но-ос, ты сломал мне нос, ублю-у-удок.

Заключённый Жан вышел из камеры, перешагнув скулящего надсмотрщика. Остановился на выходе из барака, взглянул на синее небо, вдохнул, услышал за спиной возню, обернулся.

Надсмотрщик с кровью, текущей из свёрнутого носа, подходил к нему со спины, размахиваясь деревянной дубинкой с металлическим наконечником. Заключённый Жан знал, насколько болезненный удар этого наконечника. Сколько раз он испытывал эту боль, когда его, всегда сопротивляющегося унижениям, избивали несколько надсмотрщиков одновременно.

Сейчас же, когда понял, что до свободы осталось несколько шагов, скорее всего, его выведут на площадку напротив барака с карцером, и там и закончится эта ненормальная жизнь, он вдруг осознал, что умереть можно весело и, выхватив дубинку из рук надсмотрщика, пару раз ткнул тому в грудь и в горло. Надсмотрщик снова завалился на колени.

Заключённый Жан увидел, как к нему приближаются около шести других надсмотрщиков, во главе которых шёл начальник рудника.

Он уже приготовился к последней битве, когда начальник рудника, господин Салю, захлопал в ладоши и сказал:

— Ну-ну, Жан, не стоит добивать несчастного Люка. Он разве тебе не сказал, зачем я попросил тебя привести?

Заключённый Жан мрачно уставился на улыбающегося начальника рудника. Тот, впрочем, как и всегда, был одет в модного покроя камзол чёрного цвета. Господин Салю вообще предпочитал чёрный цвет, потому что на нём никогда не было видно пятен крови. Сам господин Салю был маленького роста, коротконог и лысоват. Туфли всегда носил на небольшом каблуке, с набойкой из железа на мысках. Маленькие глазки на лице всегда смотрели пронзительно, словно пытались продырявить собеседника.

Ответил начальнику сам Люк, поднявшийся с земли и утирающий кровь с лица:

— Когда бы я успел? Он же набросился на меня, словно сумасшедший.

Господин Салю снова обратил внимание на заключённого:

— Жан, у меня для тебя важная новость. Отдай, пожалуйста, дубинку Люку, и пойдём.

Заключённый Жан усмехнулся и вдруг, размахнувшись, со всей силы швырнул дубинку куда-то в сторону, стараясь попасть за пределы огороженной территории лагеря.

Потом посмотрел на господина Салю и сказал:

— Я готов, ведите.

— Ну что же ты так обречённо? У нас, между прочим, новости в Королевстве, — начал говорить господин Салю, двигаясь рядом с заключённым Жаном, словно они добрые друзья, вышедшие на прогулку.

Заключённый Жан не мог понять, что же происходит. Если его не собираются убивать, то зачем всё это?

Дальше всё было ещё страннее. Господин Салю пригласил его в кабинет и усадил в кресло, предварительно приказав одному из надсмотрщиков постелить на кресло плед.

Заключённый Жан мылся последний раз месяц назад, когда ещё было холодно и господин Салю решил, что заключённым нужны процедуры закаливания. Их всех вывели на берег реки, где по несколько человек загоняли в холодную воду. Несколько человек потом умерли, заболев лихорадкой.

Поэтому плед, скорее всего, после того, как заключённый Жан на нём посидит, придётся выкинуть.

Принесли маленький столик, который придвинули к креслу, на столике был накрыт чай с... булочками.

— Садись, Жан, у меня есть для тебя новости.

В животе у Жана заурчало, и он не стал отказываться. Сел и принялся поглощать булочки, запивая их, обжигаясь горячим чаем.

— Наш король умер, Жан, — выдержав паузу, сказал господин Салю, — и у нас теперь новый король.

Заключённый Жан перестал жевать и посмотрел на господина Салю, но промолчал.

— Так вот, Жан, новый король теперь Генрих V, признанный бастард старого короля, и он объявил амнистию, в том числе и для тебя. Он возвращает тебе имя и титул, ты свободен. Теперь тебя снова надо называть его сиятельство граф де Демартен. Но ты уж прости меня, Жан, я позволю себе сохранить воспоминания о заключённом Жане, а не о графе де Демартене.

Заключённый Жан смотрел на господина Салю так, что тот решил на всякий случай вызвать охрану.

—Эй, ты не шали. Ну, если хочешь, буду называть тебя графом... после того как поможешься.

Заключённому дали возможность вымыться в одном из барачков, переоборудованных в помывочную. Выдали серую одежду; она не соответствовала статусу графа, но была почти новой и, что главное, чистой.

Отросшие волосы граф убрал в хвост, получил от начальника рудника кошелек, в котором было десять золотых луидоров и пять ливров*.

*(*Ливр делился на двадцать су. Золотой луидор составлял двадцать ливров)*

— Это тебе от короля, — сказал господин Салю.

И заключённый Жан понял, что король на самом деле был гораздо щедрее, но начальнику рудника тоже надо на что-то жить.

Так спустя два часа заключённый Жан, который уже забыл, каково это — быть графом де Демартен, оказался за воротами лагеря. Идти ему пришлось пешком, ближайшая станция дилижансов была только в городе под названием Бурж.

Глава 4.

До Буржа бывший заключённый Жан, а теперь его сиятельство граф Рено де Демартен, шёл через лес, окружавший лагерь при теоновом руднике.

Графское имя звучало неожиданно чуждо, как будто рубаха не по размеру. Будто он стал маленьким, а рубаха была большой и всё время норовила сползти то с одного плеча, то с другого. И он решил пока не называть себя так, имя Жан въелось в него, и он пока не мог понять, насколько глубоко.

У бывшего мага интуиция всё ещё работала очень хорошо. Ему было беспокойно, всё казалось странным: и то, что ему не предоставили какую-нибудь лошадь или телегу, и то, что, вручив кошель с целым состоянием, отправили пешком до ближайшего города.

Он остановился, отломал большую палку от умирающего дерева. Палку можно было использовать как посох и как оружие. У графа был с собой небольшой нож, который он выточил из камня. Оторвав от рубахи кусок ткани, он, как мог, приделал нож на конец посоха, получив тем самым практически пику, которая в умелых руках могла стать грозным оружием.

Интуиция его не подвела — уже на самом выходе из леса он обнаружил засаду. Хорошо, что он заранее сошёл с дороги и теперь пробирался по еле видимой звериной тропе.

Звуки в лесу разносились хорошо, а те, кто устроил ему засаду, не стеснялись, полагая, что деваться бывшему заключённому некуда и сила на их стороне. Это были его старые знакомые надсмотрщики, и к каждому у него был свой счёт.

За три года он научился становиться тенью, невидимой и неслышной.

Первому из поджидавших его он свернул шею. Внимательно посмотрел, какое оружие было у убитого. Взял в руки короткий меч, подбросил его. Оружие было плохонькое, несбалансированное, но на поясе у трупа висела плётка, её он и забрал. Оставалось ещё трое. Для того чтобы использовать посох-пику и плеть, ему нужно было пространство, и он вышел на дорогу.

У заключённого Жана было большое преимущество: он не боялся ни боли, ни смерти, потому что уже умирал много раз. Надсмотрщики же, в основном нанимавшиеся на эту службу скрытые садисты из низших слоёв населения, в большинстве своём тряслись за свою шкуру и боялись боли.

Вскоре всё было кончено, заключённый Жан никого из них не оставил в живых. Они бы его тоже не пожалели, возможно, даже поиздевались бы и оставили умирать долго и мучительно. Таких вещей за три года он видел много.

Он оттащил трупы в сторону от дороги, полагая, что уже ночью падальщики, шакалы или волки, растащат остатки этих неудавшихся грабителей.

В карманах у горе-грабителей были пусть и небольшие, но деньги, его сиятельство забрал всё, что ему могло бы пригодиться. А именно оружие, табак и деньги. А что, это не мародёрство, а заслуженные трофеи.

До Буржа оставалось около одного льё*.

*(*Сухопутное льё — примерно 4.5 км)*

Ближе к вечеру мужчина вошёл в город, уплатив положенную пошлину, записался на входе как Жан Мартен.

Улыбнувшись в бороду, спросил, где бы он мог недорого переночевать и поужинать. Стражники, оценив небогатый вид странника, посоветовали ему таверну «Жирный Луи».

Таверна располагалась ближе к центру на одной из довольно чистеньких улочек Буржа.

На подходе к таверне ему встретилась маленькая девочка, тащившая ведро с водой почти в половину своего роста. Платышко на ней было старым, в заплатках, видно было, что с чужого плеча.

Испугавшись огромного бородатого мужчину, девочка бросила ведро и попыталась убежать, но ноги в слишком больших ботинках, мокрых от пролившейся на них воды, запутались, и она упала. Он подошёл, наклонился; на него глянули чистые, пронзительно синие, как небо, огромные испуганные глазницы.

Ничего не говоря, он протянул ей руку, девочка, будто почувствовав, что ничего плохого он ей не сделает, доверчиво схватилась ручкой за большую, покрытую шрамами ладонь. Помог ей встать.

Девчушка горестно посмотрела на валяющееся пустое ведро. Тогда он спросил:

— Пошли за водой?

Она кивнула. Он взял ведро в одну руку, за другую уцепилась девчушка, и они пошли обратно к колодцу, который располагался чуть в стороне от улицы.

По дороге они разговорились, девочка сказала, что живёт в таверне «Жирный Луи» и зовут её Эмилия, но все называют ей Лия.

— Какое красивое имя, — хрипло сказал мужчина. — Давай я помогу тебе отнести воду, а ты покажешь мне дорогу в вашу таверну, — сказал он, когда увидел, что девочка снова пытается сама поднять ведро.

Посмотрел, как она идёт, пытаясь удержать на ножках мокрые башмаки, поставил ведро, подхватил девчушку на руки, усадил на плечо, другой рукой взял ведро, и такой живописной пирамидой они двинулись к таверне.

Мари. По дороге в Шантильи

Дилижанс был полным. В самом его начале (уж не знаю, по какой причине это место считалось самым дорогим) занимало семейство, состоящее из дородного господина, который всё время потел, отчего ему приходилось вытирать лоб большим серым платком, и было непонятно, серым платок был по причине цвета материала или от грязи; супруга дородного господина тоже отличалась богатым телосложением, как их две дочери.

Девочки были крупные, поэтому было сложно определить возраст, но я решила, что они всё-таки ближе к подросткам.

Не успела эта упитанная семья усесться, как они достали из корзинки еду и, разложив на коленях такие же серые тряпки, похоже, из того же материала, из которого был пошит и платок главы семейства, принялись дружно жевать.

Поскольку я так и не купила себе еды, то просто задыхалась от этих вкусных ароматов чего-то мясного с чесночком и сглатывала слюну. И честно говоря, на ближайшей остановке уже готова была расстаться со второй монеткой, которую хотела сохранить, чтобы начать копить деньги на поиски дочери.

Но возле меня сидела пожилая пара, и женщина неожиданно достала из сумки булочки, одну передала супругу, а другую предложила мне с доброй улыбкой:

— Кушай, деточка, я сама пекла.

Не в моём положении было отказываться, поэтому я с благодарностью приняла такой неожиданный, но очень нужный подарок.

Ещё в дилижансе ехали две монахини в рясах того же цвета, что была и у матушки Боншон. Возможно, здесь все монахини носили чёрные балахоны.

Напротив монахинь дремал крепкий молодой человек, лица которого никто не видел: он, как только уселся на своё место, сразу надвинул шляпу на лицо и заснул, ну или сделал вид, что заснул.

Ещё в дилижансе оставалось три свободных места, но возница сказал, чтобы не занимали, что пассажиры на них есть, просто посадка будет на следующей остановке. При этом с подо-

зрением поглядел почему-то на меня, как будто я первая кандидатка на то, чтобы пересесть к толстякам поближе.

Примерно через час со стороны первого класса, как про себя обозвала место в дальней от двери стороне дилижанса, раздался дружный храп. Упитанное семейство во сне стало «радоваться» нас продуктами брожения в их кишечниках, и на весь дилижанс завоняло. Я практически высунула нос в узкую щель слухового окна, и только таким образом мне удалось немного смириться с послеобеденной атмосферой фургона.

Я обвела глазами дилижанс и обратила внимание, что, кроме меня, больше никто не морщит нос. Единственное, мне показалось, что парень, спящий под шляпой, развернул голову куда-то в мою сторону, отвернувшись от семейства, и пытается дышать через рот так, чтобы это выглядело естественно.

Через час фургон остановился, и возница открыл дверь, объявив остановку.

Я сразу же выпрыгнула из салона, но возница сообщил, что сейчас посадит ожидающих пассажиров, и фургон снова двинется.

Пока я вдыхала полной грудью, стараясь набрать побольше свежего воздуха, к фургону подошли трое. Причём один из них был явно в более зависимом положении, чем двое других.

Когда они подошли к самой двери, я увидела, что у одного руки связаны. Возница тоже это заметил и что-то недовольно пробурчал, но мужчины, видимо, охранники, которые везли какого-то странного заключённого, не стали обращать на него внимания и залезли внутрь фургона.

Я, поскольку сидела на самом крайнем у двери месте, забралась последней.

Дилижанс отправился, возница объявил, что следующая остановка будет уже в Шантильи.

Прислонилась к двери так, чтобы свежий воздух из слухового окошечка попадал мне прямо на лицо, потому что с появлением мужчин дышать в фургоне стало ещё тяжелее. Резкий запах мужского пота смешался с тем, что продолжал доноситься со стороны упитанного семейства, да ещё от кого-то из мужчин резко пахло то ли ваксой, то ли ещё чем-то для обработки обуви.

«Да уж, — подумала я. — Как мне выжить с таким чувствительным носом в этом магическом Средневековье?» Но голод, тряска и слабость всё-таки взяли своё, и я не заметила, как провалилась в сон.

Разбудила меня резкая остановка, отчего я со всей силы ударилась лбом о дверь дилижанса.

«Неужели мы уже доехали в Шантильи?» — подумала я. Но, как оказалось, это была вынужденная остановка.

Дверь в фургон распахнулась, и в проёме показался страшный заросший бородой мужик, с чем-то похожим на пистолет в руке.

Оглядев нашу разношёрстную компанию, он сказал:

— Приехали, господа хорошие, всем сидеть, никому не дёргаться.

У меня мелькнула совершенно неожиданная мысль выхватить у него из рук пистолет, или как это здесь назвалось. И в тот же миг будто кто-то дёрнул оружие у него из рук, и оно упало на пол дилижанса.

Если бы мне не было так страшно, я бы точно расхохоталась. Настолько забавно-удивлённым стало выражение лица у мужика.

И одновременно случилось следующее. Пистоль оказался у ног того самого человека, который всю дорогу дремал со шляпой на лице. Он схватил оружие и быстро — так быстро, что никто не успел даже охнуть, — выстрелил в одного из мужчин, сидевших около мужчины со связанными руками. Отбросил, видимо, бесполезный после выстрела пистоль и, достав откуда-то нож, резко разрезал верёвки на руках у мужчины.

Причём второй охранник, сидевший по другую сторону от того, у кого были связаны руки, даже не попытался сопротивляться.

Потом мужчины поднялись и пошли к выходу из фургона.

Озадаченный громила, из рук которого «улетел» пистолет, помог им выбраться. Но тот, кто ехал с нами от столицы, в шляпе, неожиданно повернулся и сказал:

— Я знаю, что среди вас есть маг, сильный. Пусть выйдет сам, или я его найду.

А я ещё подумала: «Вот матушка Боншон мне говорила, что магии здесь совсем мало и только у аристократов, а мне за один только день уже второй попадается».

Никто не вышел, и бандит стал обходить каждого. Начал он, естественно, с меня, я же сидела у самого края.

— Сними платок, — резко приказал он.

Было ужас как страшно, но платок пришлось снять, и все увидели мою стрижку под мальчика.

Многие брезгливо сморщились. Бандит тоже качнул головой и позволил натянуть платок обратно.

Так он прошёл по всем, но ни у кого, видимо, магии не обнаружилось. Хотя возле одной из дочек упитанного семейства он простоял довольно долго.

Тогда он посмотрел на труп охранника и спросил второго:

— Это он был магом?

Второй неуверенно ответил, что вроде бы нет, но точно он сказать не сможет. Он якобы впервые с ним в деле.

Тот, кого освободили, крикнул:

— Эй, пошли уже, времени немного, вы и так задержались. Я вообще не планировал трястись в этом фургоне с вонючими жирдяями.

Мужчина в шляпе вышел наружу, на меня он даже не посмотрел.

А я заметила на себе задумчивый взгляд пожилой женщины, которая угощала меня булочкой.

Всё, что было дальше, я запомнила словно в тумане. Дверь фургона защёлкнулась, словно его заперли снаружи, и вскоре стало понятно, что нас не собирались оставлять в живых. Фургон начал заполняться дымом. Началась паника.

Глава 5.

В основном начали кричать толстяки, которые рванули по узкому проходу между лавками фургона к двери, оттапывая всем ноги и спотыкаясь о так и лежащий на полу труп охранника.

Я сжалась, полагая, что такая масса, может, и разнесёт дверь фургона, но надо в это время быть где-то в стороне, иначе есть шанс, что можно превратиться в лепёшку.

Помощь пришла с неожиданной стороны. На пути у упитанного семейства встали... монахини.

— Стоять! — вдруг громко и уверенно прозвучало в общем гуле от той монахини, что выглядела постарше.

Хорошо, что первым из всего семейства бежал отец. Когда он остановился, всё остальное семейство затормозило, уткнувшись в его широкую спину, а поскольку он был самым массивным, то ему удалось удержаться на ногах.

— Господа, — обратилась монашка к мужчинам, — попробуйте взломать дверь.

Охранник, а вместе с ним — о, чудо — и упитанный господин прошли к двери и попробовали её продавить. Потом всем сказали освободить проход, труп охранника оттащили под лавку, и мужчины по очереди попробовали разогнаться, насколько позволила длина дилижанса, и ударить всем телом в дверь. Сначала попробовал охранник, он был более сухой, и от его удара, как мне показалось, скрипнули только его кости, что подтвердило возникшее мученическое выражение на его лице.

Упитанный господин выглядел в плане «тарана» более надёжно, и я даже представила себе, как он пролетает и, ударившись в дверь фургона, вылетает вместе с ней, освобождая нам выход на свободу.

Дверь дрогнула, но устояла, я даже расстроилась. Почему-то мне казалось, что всё, что я себе представляла, срабатывало волшебным образом. И я даже начала надеяться, что это та самая магия, которая неожиданно ко мне вернулась.

Но нет, сейчас с толстяком это не сработало. Я вздохнула. И тут ко мне обратилась пожилая женщина, которая угощала меня булочкой. Говорила она тихо, так, что было слышно только мне.

— Вам надо представить не человека, а направить мысль на предмет, в данном случае на дверь фургона.

Потом обратилась к толстяку:

— Господин, попробуйте ещё раз, я уверена, что с вашей силой на этот раз всё сработает.

Взглянула на меня и кивнула.

Я стала усиленно смотреть на дверь, представляя себе уже не толстяка, ударяющего в дверь, а саму дверь, резко отделяющуюся от стенок дилижанса и вылетающую наружу. Причём моё богатое воображение рисовало мне дверь, летящую и переворачивающуюся в воздухе.

И не успел толстяк даже коснуться двери, как она со скрежетом оторвалась из креплений, и толстяк, не успевший затормозить, вылетел из фургона вместе с дверью, которая, противореча всем законам физики и гравитации, приподнялась и, переворачиваясь, пролетела ещё несколько метров, прежде чем упасть.

Упитанный же господин свалился прямо в пламя, которое окружало наш дилижанс. И тогда пожилая женщина снова коснулась меня и тихо сказала:

— А теперь представьте, что огонь гаснет.

Я пыталась это сделать, но причитающая в голос супруга упитанного господина, оттолкнув меня от образовавшегося проёма, попыталась высунуться, чтобы рассмотреть, где её муж.

Языки пламени стали больше, и она отшатнулась, завалившись на спину и перекрыв проход.

— Ну же, быстрее. — Пожилая женщина прикрывала лицо платком.

Да я уже и сама чувствовала, что едкий дым забивает горло, и становится всё тяжелее сделать вдох.

Наконец мне удалось сосредоточиться, и пламя действительно погасло.

Постепенно всем удалось выбраться из полуобгоревшего дилижанса.

Я осмотрелась. Толстый господин сидел, окружённый своей семьёй, похоже, с ним всё более-менее было в порядке. Когда все вылезли, он уже самостоятельно выбрался из пламени и хлопал себя по широким штанам, сбивая остатки искр.

У упитанного господина немного обгорела одежда и волосы, но сам он, кроме ожога ладони, был целым.

Все подходили к нему и благодарили за самоотверженность. А его супруга, невероятно гордая тем, что её муж — герой, каждому заявляла, при этом почему-то осуждающе поглядывая в мою сторону:

— А я всегда говорила, что правильное питание сохраняет жизнь.

К сожалению, возницу бандиты убили, лошадей увели, и теперь добираться до ближайшего населённого пункта мы могли только пешком.

Люди, обрадованные тем, что им удалось выжить, казалось, не обратили внимания на то, как потухло пламя вокруг дилижанса.

Я же сидела на земле и совершенно не могла пошевелить ни рукой, ни ногой: такая слабость вдруг навалилась. Ко мне подошла пожилая пара, в руках у старика была дощечка, похожая на кусок от дилижанса. Положив её на землю рядом со мной, они устроились на этой дощечке, и женщина, достав из сумки ещё одну булочку, протянула её мне.

— Поешьте, это, конечно, не мясо, но немного поможет вам восстановить силы.

Меня хватило только на то, чтобы благодарно кивнуть.

После булочки и вправду полегчало.

И я уже была готова встать и идти, тем более что все начали собираться: никому не хотелось оставаться на ночь в лесу.

Кто-то предположил, что примерно через пару часов должен поехать следующий дилижанс и можно было бы дожидаться.

Дилижансы ходили по расписанию, и наш вроде бы был не последний. Но уверенности в том, что следующий дилижанс отправится с последней остановки, чтобы только к ночи доехать до Шантильи, не было.

Никто из нас точно не знал расписания, поэтому всё-таки решили идти. Даже если мы ошиблись и дилижанс всё-таки поедет, то он нас нагонит. Поэтому идти решили по дороге, риск встретиться с бандитами был минимальным: скорее всего, они уже находятся далеко отсюда.

И наша группа побрела по дороге. Я порадовалась, что вещей у меня с собой не было, потому что глядела на упитанное семейство, которое попыталось забрать весь свой багаж (а это было несколько больших чемоданов и баул), но оказалось, что, кроме самого главы семейства, никто из них не в состоянии передвинуть тяжёлые чемоданы, не то что поднять их и нести.

Тогда упитанный господин обратился к оставшемуся в живых охраннику с просьбой помочь им за определённую плату. Охранник оглядел багаж и кивнул на два среднего размера чемодана. После толстяк и охранник долго торговались, но в конце концов сошлись, и охранник подхватил эти два чемодана и пошёл вслед за семейством.

За упитанным семейством шли монахини, а мы с пожилой парой не спеша двинулись вслед за всеми, замыкая эту странную процессию...

По дороге мне удалось поговорить с пожилой женщиной, которую звали мадам Дижо, а её мужа, соответственно, господин Дижо. Проживала пожилая пара в столице, а в Шантильи ехали навестить детей и внуков.

Я спросила:

— Мадам Дижо, я откуда вы узнали, что я могу помочь с дверью?

Мадам Дижо улыбнулась:

— Я видела, как ты применяла магию, чтобы расширить слуховое окно. Благодаря твоей магии выпал пистоль из руки бандита. Поверь, у тебя очень сильный дар. Такой бывает только у аристократов. Но ты, я вижу, к ним не относишься, если только, прости, кто-то в родне не согрешил, получив в дар магию для своего ребёнка.

— Но почему заметили только вы?

Я недоумевала: как получилось так, что я вообще не чувствую магии, когда её применяю? Ведь должно же быть что-то, как в книжках, которые я любила почитать на досуге под очередную баночку с мороженым. Должен быть какой-то источник, маг к нему обращается — и бац, готово волшебство.

Мадам Дижо улыбнулась:

— У моей матери была такая магия, её называют бытовой. Бытовые маги могут воздействовать на предметы. И тут уже зависит, насколько силён маг. У кого магия проявилась совсем чуть-чуть, могут разве что убрать пыль в доме; те, кто посильнее, могут, вот как ты, и дом разрушить, и огонь потушить.

Я смутилась:

— А почему разрушить? А построить я могу?

— Да. — Мадам Дижо снова улыбнулась. — Конечно, можешь, именно за это и ценится этот дар — за его созидательную силу.

— А зарабатывать на такой магии можно? — снова спросила я, уже представляя себе, как открываю кабинет и беру заказы на строительство, уборку, и золотые монеты, которые я ещё не видела в этом мире, начинают течь рекой. На кабинете табличка: *«Агентство бытовых дел Мари Фантен»*.

Но мои приятные размышления прервала следующая фраза моей новой знакомой:

— Но иметь такую магию очень опасно, по всему Королевству всегда разыскивают бытовых магов. И если у тебя была хотя бы четверть от того, что есть сейчас, то тебя бы точно уже увезли в королевский дворец или отдали бы в услужение какому-нибудь другому аристократическому роду из богатых.

На этих словах мадам Дижо остановилась, дождалась, когда идущие впереди нас монахини отойдут подальше, и продолжила:

— И они, стараясь всеми силами удержать тебя, постарались бы привязать тебя к роду. Возможно, нашли бы какого-нибудь захудалого родственника и выдали бы тебя замуж. Оттуда уже не вырваться.

— А если дар слабый, тогда как? — спросила я, вспоминая, что у Мари Фантен, прежней владелицы этого худенького тельца, как раз был очень слабый дар.

— Если дар слабый, тогда могут обязать постоянно сдавать магию, сливая её в специальные артефакты, изготовленные из теона. — Грустно вздохнула и добавила: — К примеру, это пришлось делать моей матери, отчего, я считаю, она и умерла гораздо раньше.

Я испуганно взглянула на мадам Дижо. Какая-то неприятная картина получается. Если ты сильный маг, то, будь добр, служи аристократам, а если слабый, то отдавай всё, что есть, и умирай рано.

Вслух же я спросила:

— Но как же? Либо в рабство, либо умирать?

Но мадам Дижо объяснила мне, что рабством это сложно назвать, потому как магу стараются создать благоприятные условия, чтобы он не захотел никуда уезжать. А наоборот, захотел остаться и рожать одарённых детей. Но при этом, конечно, максимально стараются лишить его свободы выбора.

А насчёт ранней смерти — это было предположение мадам Дижо.

Каждый год выявленным слабеньким магам замеряют уровень магии и назначают норму сдачи. Иногда попадают недобросовестные чиновники, которые пытаются этим пользоваться. Такой вот гад и попался матери мадам Дижо, которая была привлекательной женщиной, а гад был охоч до женской ласки. Да подавай ему порядочных женщин, вот он и завывал ей норму, шантажируя. И, в конце концов, мама мадам Дижо подорвала своё здоровье и умерла.

Именно поэтому мадам Дижо посвятила всю свою жизнь, чтобы спасти магов. И если мне интересно, то она готова меня научить всему, что узнала для того, чтобы со мной не случилась подобная история.

Рассказав всё это, мадам Дижо внимательно на меня посмотрела и уточнила:

— Некоторым, конечно, наоборот, хочется лёгкой жизни, и тогда они сами идут к королевским проверяющим и предлагают свои услуги. И если уровень магии высокий, то им даже могут предложить место во дворце у короля. Хотя, конечно, к старому королю, если ты девушка, лучше было не ходить.

Что-то меня зацепило в её словах

— А что с королём?

— А вы не знаете? — удивилась мадам Дижо.

— Нет, — ответила я. — Я долго болела, лежала в лечебнице и вот только выкарабкалась.

Мадам Дижо взглянула на меня с подозрением:

— Так он умер три месяца назад от магической лихорадки, и у нас теперь новый король.

Я поняла, что три месяца — это слишком долгий срок, и моя версия с больницей точно не прокатывает и выглядит странно, что девица моих лет не знает, кто король и что с ним случилось, и решила перевести тему.

— Давайте остановимся и передохнём, — предложила я старикам. Было заметно, что мадам Дижо и её супруг идут всё медленнее и медленнее.

А вскоре показался дилижанс, который ехал в сторону Шантильи. Возница остановил фургон, спросил, что произошло. Мы кратко рассказали ему о трагических событиях, и он предложил нас довести.

Мы уселись в него первыми: вот оно — преимущество иногда идти в хвосте.

Я помогла паре Дижо занять места внутри дилижанса, одна из монахинь, та, что выглядела постарше, тоже уместилась внутри, а я и монахиня помоложе заняли место рядом с возницей. И я, и она — мы были обе худенькие и вполне уместились на остатках лавки. Правда, долго не могли решить, кто из нас будет сидеть со стороны возницы. Монахиня жалобно смотрела на меня, всем своим видом показывая, что ей никак нельзя, поэтому прижиматься к молодому и крепкому парню пришлось мне.

Немного проехав, мы увидели расположившееся на обочине дороге упитанное семейство. Они обедали. И я порадовалась, что поеду на свежем воздухе, потому как эти-то наверняка утрамбуются внутрь дилижанса, и тем, кто будет сидеть с ними рядом, будет не очень легко дышать.

Но в дилижансе места были ограничены, и начался... скандал. Упитанное семейство целиком никак не помещалось, что уж говорить про их «носильщика». Возница категорически отказался выгружать багаж на дороге, чтобы освободить место на крыше. А следующий дилижанс был только утром. До Шантильи оставалось несколько льё.

Как я поняла, один льё — это примерно пять километров, поэтому до темноты пешком туда вряд ли получилось бы добраться.

И неизвестно, чем бы дело закончилось, но на дороге показалась богато украшенная карета с графскими гербами, которую сопровождал целый отряд верховых.

Глава 6.

Оказалось, это был граф Шантильи, которому принадлежат эти земли, и его охрана уже увидела лежащий на дороге ограбленный и выгоревший фургон.

Граф был человеком зрелым, старым себя не считал, понимал, что юность осталась позади; графу было около пятидесяти лет. Но он, конечно, был магом, а маги дольше сохраняли бодрость и здоровье, если у них сохранялась магия, конечно.

Графство было небольшим, поэтому граф жил тихо, особо не высовывался, редко бывал при дворе. Жена, родившая ему двух сыновей и дочь, уже отошла в мир иной, дети почти выросли. Осталось выдать замуж младшую дочь, которой недавно исполнилось двадцать лет; именно поэтому граф ездил в столицу, чтобы договориться с несколькими потенциальными женихами.

Магия в его роду была не очень сильная, но её вполне хватало на то, чтобы в графстве не было больших погодных потрясений, да и тратить деньги на поддержание графского дома особо не требовалось, обходились своими силами.

Граф Шантильи не любил, когда на его землях, даже если на королевской дороге, случались подобные разбойные происшествия. А в том, что случилось именно такое происшествие, он уже не сомневался.

Полусожжённый дилижанс, раскиданный багаж и две наспех вырытые могилы чуть в стороне от дороги — всё это указывало на то, что было совершено преступление.

Поэтому граф дал команду остановиться и забрать всех несчастных, которых следовало опросить сразу по приезде в Шантильи.

Капитан, возглавлявший отряд графа, первым подозвал к себе выжившего охранника, которому пришлось сдать оружие после того, как он что-то ответил графу. После капитан попросил подойти к нему всех, кто ехал в сгоревшем дилижансе.

Мне тоже пришлось слезать и идти к капитану, который по очереди подзывал к себе каждого.

Капитан был довольно молод, явно аристократ. Гордая посадка головы, светло-русые волосы, скорее всего, маг, потому как зелёные глаза сверкали каждый раз, когда он обращал внимание на вновь подходившего к нему человека.

Настала и моя очередь. Скользя по мне совершенно незаинтересованным взглядом, отчего я ещё раз порадовалась болезненной внешности Мари, капитан проверил документы. Далее шли стандартные вопросы: с какой целью я еду в Шантильи. Я достала рекомендательное письмо, написанное матушкой Боншон, и показала капитану.

— Семья Моран? — удивлённо переспросил он. — Вы едете работать в семью Моран?

Я, конечно, удивилась, реакции капитана, но ответила:

— Да, я еду в Шантильи, чтобы работать в семье Моран. А что вас удивляет? — всё же не удержалась я от ответного вопроса, всё время забывая, что женщины того сословия, к которому относилась Мари, должны были держать глаза опущенными и не задавать лишних вопросов молодым аристократам.

Но капитан не разозлился и даже ответил мне:

— Да так, не думал, что они смогут кого-то нанять, а уж тем более из столицы, хотя... — На этих словах он оглядел меня ещё раз и саркастично спросил: — Вероятно, вы согласились работать за еду?

Меня это так взбесило! Да какое твоё дело, солдафон несчастный! Поэтому гордо вскинула голову, отчего платок слетел с головы, и волосы рассыпались по плечам, и заявила:

— Да хоть бы и за еду, вам-то какое дело?

Схватила упавший платок и начала быстро наматывать его обратно на голову, не понимая, что могло произойти такого, что волосы, ещё недавно напоминавшие ёжик, отросли практически до плеч.

Капитан, явно удивившись такому тону от какой-то непонятной девчонки в сером платье и платке, уже собирался что-то мне сказать. И судя по тому, как начали раздуваться его ноздри на красивом породистом лице, ничего хорошего я от него не услышала бы.

Но в этот момент из графской кареты его позвал мужской голос, и капитан, так и не сообщив мне ничего из того, что мне бы следовало делать дальше, отвернулся и быстрым шагом пошёл к графу.

На самом деле, это была для нас всех большая удача, что граф возвращался из столицы. Так что нас всех забрали, и уже через пару часов благополучно доставили в Шантильи. Правда, был уже поздний вечер.

А после того как всех тщательно опросили, высадив всех пострадавших возле жандармерии, вечер почти превратился в ночь.

Капитан, самолично проводивший допросы, как будто нарочно оставил меня на самую последнюю очередь. Я сидела на жёсткой лавке одна, после меня уже никого не оставалось.

И после того как он меня вызвал и совершенно вымотал какими-то бессмысленными, на мой взгляд, вопросами, капитан вдруг выдал такую фразу:

— Если тебе есть куда идти, помимо дома Моран, я бы всё же советовал пойти к ним утром.

— Почему? — спросила я, понимая, что идти-то мне больше некуда.

— Я не думаю, что тебе хотелось бы об этом узнать на ночь глядя, — загадочно ответил капитан. — Но если ты всё же решишь идти к ним сейчас, то мне будет жаль найти такую хорошенькую девушку утром где-нибудь в канаве.

— Но мне некуда идти, — проговорила я, понимая, что, наверное, семью Дижо уже забрали их дети, а больше я в этом городе никого не знаю.

И тут этот любитель худосочных девушек в платках выдал:

— Ну, я бы мог тебя пригласить к себе.

«Ага, — сообразила я, — на самом деле, наверняка к дому Моран идти безопасно, просто этот (чу)дила, решил поживиться на незнании глупой девочки. И что там в моих костях, укрытых грязноватой после целого дня пути серой тряпкой, могло его заинтересовать? Вот же извращенец!» — подумала я, а вслух ответила:

— Если у вас всё капитан, то я бы всё-таки хотела пойти. Вы правы, уже поздно, а мне бы хотелось прибыть к моему работодателю ещё сегодня.

С этими словами я встала и направилась к выходу из небольшой комнаты, где проходил допрос всех участников незабываемой поездки.

— Стой! — крикнул капитан мне в спину, когда я уже взялась за ручку двери.

Я остановилась и удивлённо посмотрела на мужчину.

— Я провожу, там правда небезопасно, — произнёс капитан.

Вот что мне было делать? Я бы с радостью отказалась: кто его знает, вдруг он сам меня в эту канаву потом и закинет?

Но настойчивый и наглый капитан уже подхватил меня под руку и вывел за дверь. И вдруг со стороны выхода раздался незнакомый голос:

— Мари? Мари Фантен?

Я обернулась на голос и... забыла, как дышать. Возле выхода стоял просто потрясающий мужчина. Я здесь ещё таких не встречала.

Высокий, плечистый, со светлыми волосами, убранными в хвост, выразительные черты лица, при светлых волосах — тёмные брови, и глаза, обрамлённые густыми чёрными ресницами; чистая кожа, что в этом времени было большой редкостью. Одет неброско, но доста-

точно прилично. Тёмно-серый удлинённый камзол, подчёркивающий узкие бёдра и ширину плеч, из-под которого виднелась белая рубаша, в руках — цилиндр. На стройных ногах такие же тёмно-серые брюки, заправленные в высокие сапоги. На первый взгляд я бы дала ему около тридцати лет.

Мужчина был мне незнаком, такого я бы запомнила. А вот капитан его, похоже, знал.

— И что вы здесь делаете, господин Дижо?

Дижо! Меня затопила волна благодарности к пожилой паре Дижо: они меня всё-таки не бросили. Они прислали своего сына. О, а ведь он женат. Я представляла его себе таким толстячком с пузиком, а он вон какой — просто мечта. Ну да ладно, главное, что мне теперь не придётся идти через ночь с этим странным капитаном.

Господин Дижо оказался мужчиной с характером и ответил капитану:

— И вам добрый вечер, капитан Лекок, я дожидаюсь мадемуазель Фантен.

Я попыталась сделать шаг к господину Дижо, но капитан держал меня крепко. И чего это я ему сдалась? Неужели всего лишь слетевший платок и рассыпавшиеся по плечам волосы дали такой эффект?

— Господин Лекок, меня послали мои родители. Они договорились, что мадемуазель переночует у нас в доме.

Капитан почему-то возмущённо посмотрел на меня.

Я закивала.

— Вы же собирались идти сегодня к вашему работодателю, — не сдавался капитан.

— Так уже поздно, вы же сами сказали, что это небезопасно, — набравшись наглости, ответила я, тем более что пальцы капитана всё сильнее сжимали мне предплечье.

Я поморщилась, господин Дижо заметил, что что-то не так, подошёл ближе и протянул руку:

— Давайте я помогу вам с вещами.

Я наконец-то вырвала несчастную руку из железной хватки капитана. Мой мешок так и висел у меня на правом плече, сняла его и передала господину Дижо. Потом буквально отпрыгнула от капитана, чтобы он снова не схватил меня за руку.

Успела заметить, как глаза капитана сверкнули.

Ну вот, не успела прибыть в город, а уже обзавелась врагом, магом и аристократом, да ещё и при власти. Ну да ладно, как-нибудь разберусь.

Дом господина Дижо располагался недалеко от жандармерии, так что мы дошли пешком, хотя усталость, накопившаяся за столь долгий день, давала о себе знать.

Господин Дижо оказался приятным собеседником. Он поинтересовался, впервые ли я в Шантильи.

Я ответила, что да и что очень рада завязавшемуся знакомству с его родителями.

Потом я спросила, знает ли он что-нибудь о семье Моран. Он сказал, что близко с ними не общался, поскольку они принадлежали к аристократическому обществу, а Дижо — простые горожане, но слышал, что там была какая-то трагическая история.

Я зацепилась за слово «принадлежали» и спросила:

— А почему в прошедшем времени? Разве сейчас они больше не аристократы?

Господин Дижо, казалось, не очень хотел отвечать, но всё-таки ответил:

— В этом и состоит трагедия. Вроде как главу семьи арестовали как участника заговора, и у семьи Моран отобрали всё, кроме этого дома. Но, если честно, подробностей я не знаю.

— А почему опасно поздно вечером ходить к ним в дом? — снова задала я вопрос, поняв, что про саму семью лучше больше не спрашивать.

— Кто вам это сказал? — удивился господин Дижо.

Я рассказала, что услышала это от капитана, который пытался меня проводить до дома семьи Моран.

Господин Дижо хмыкнул и сказал тоном, который совершенно не вязался с его внешне-стью покорителя женских сердец, а скорее подошёл бы его отцу, господину Дижо-старшему:

— Мадемуазель Фантен... Мари. Могу я вас так называть?

Я кивнула, и господин Дижо продолжил:

— Я бы вам посоветовал держаться подальше от капитана. Он аристократ, а они прово-жают девушек вашего сословия только по одной причине. — После этих слов он выразительно на меня посмотрел и продолжил: — И по этой причине девушки потом остаются с детьми, и никто им не помогает.

Конечно, я выглядела лет на двадцать, а со своей худобой и того моложе, но настоящей-то мне было сорок, поэтому было очень прикольно слушать нравоучения от молодого красавчика.

Но пришлось поблагодарить господина Дижо за совет.

Дом семейства Дижо был относительно небольшим, но ухоженным снаружи и очень уют-ным внутри.

Жена молодого Дижо оказалась симпатичной, маленького росточка, немного полной, но приятной полнотой, девушкой. У неё тоже были светлые волосы, но, в отличие от мужа, брови и ресницы тоже были светлые, отчего она казалась немного бесцветной. Но судя по тому, как она встретила мужа и как горячо он ответил ей на приветствие, любили друг друга эти двое по-настоящему искренне.

Старшие Дижо ещё не спали и, как оказалось, ждали только меня. У них же тоже был непростой день.

Молодые Дижо, извинившись, что не могут составить мне компанию, пошли укладывать детей. Дижо-старший, увидев меня, обрадованно выдохнул и тоже пошёл отдыхать. Со мной осталась только мадам Дижо.

Коротко рассказала ей про допрос, который устроил мне капитан. Оказалось, что всем остальным задали буквально по два вопроса. Поблагодарила, что не забыли меня.

Госпожа Дижо, волновалась о том, не спрашивал ли меня капитан о магии. Я сказала, что нет, в основном он расспрашивал, кто и что делал во время поездки и не помню ли я внешность злодеев.

А про магию я решила показать, а не спрашивать.

— Госпожа Дижо, у меня вот... — сказала я и сняла платок. Волосы рассыпались по плечам, но длина их снова увеличилась, теперь они были длиной почти до лопаток.

Госпожа Дижо тихо ахнула:

— Надеюсь, из нашего дилижанса никто не видел?

— Вроде бы нет, но ещё там, на дороге, у меня упал платок, и капитан видел, что волосы у меня до плеч.

— Ну это не страшно, он же не видел тебя с совсем короткими волосами. Но если ты будешь жить в этом городе и ходить без платка, то просто убирай волосы в причёску.

На этих словах госпожа Дижо всё-таки зевнула и, покачав головой, призналась, что она страшно устала и хочет спать, и поэтому придётся разговор о магии перенести на утро.

Договорились, что с утра я не уйду, пока мы не обсудим мою магию.

Вот так неожиданно моё знакомство в дилижансе оказалось очень полезным. И я почему-то верила этим людям, не было ощущения опасности.

Легла спать, думала, что сразу провалюсь в сон, но мысли крутились вокруг странной семьи Моран, да ещё почему-то вспомнилась наглая рожа капитана.

«Фиг тебе, а не причину», — подумала я и с этой позитивной мыслью уснула.

Глава 7.

Бурж

Вот уже три дня бывший граф Рено де Демартен жил в Бурже в трактире «Жирный Луи». Здесь его знали как Жана Мартена.

Когда он впервые вошёл, и в одной руке у него было ведро, а на плече сидела девчонка, все посетители трактира (а их, надо сказать, было не так уж и мало) замерли, видимо, от неожиданности. В основном здесь все были одного сословия, одеты примерно так же, как и Жан, одежда добротная, но из дешёвых тканей, и он подумал, что этот трактир ему подойдёт.

Почти сразу же раздался визгливый голос:

— Лийка, где ты ходишь? За смертью тебя посылать!

Сразу вслед за звуком появилась толстая, неряшливо одетая женщина в чепце.

Уставилась на мужчину, который не спешил снимать с плеча удобно расположившуюся там малявку.

— Ты кто? — тем же визгливым голосом обратилась трактирщица к Жану.

Он молча поставил ведро с водой на пол, потом снял с плеча девочку, которая осталась стоять рядом с ним, и сказал:

— Мне нужна комната, пока на неделю, с питанием.

Трактирщица сразу расплылась в улыбке, обнажив жёлтые зубы.

— Конечно, конечно, у нас есть комнаты. Это будет стоить вам су в день, если с питанием. За стирку отдельно.

Цена, конечно, была высоковата, но Жану не хотелось уходить из этого трактира: он устал, пахло здесь вкусно, было тепло, да и девчонка смотрела на него широко раскрытыми глазами, как будто тоже не хотела, чтобы он уходил.

И вот он жил здесь уже три дня и думал о том, что будет делать дальше. К жене возвращаться он не собирался. Зачем ей, молодой, красивой, одарённой, нужен изломанный, поставивший, муж-лишенец?

Конечно, как и все мужчины, он всё решал за всех. И ему даже в голову не могло прийти, что его может кто-то ждать.

Днём он слонялся по городу или помогал девчонке, которую трактирщица, не жалея, нагружала тяжёлой работой.

Время зря не терял. Сменил одежду, выданную в лагере, на приличный и недорогой костюм горожанина, купил несколько рубашек. Вместе с Эмилией сходил к цирюльнику, и теперь на него из зеркала смотрел мужчина средних лет, чьё лицо наполовину было закрыто ухоженной бородой. Граф не стал сбривать бороду, опасаясь, что не захочет видеть прежнее лицо.

В первый же день своего пребывания в трактире он, невзирая на причитания трактирщицы, что бездельница Лийка ещё не всё сделала, взял девочку за руку и повёл к обувщику. Там ей подобрали ботиночки по размеру.

— Всё равно мадам Грас отнимет, когда вы уедете, — не расстраиваясь, просто констатируя факт, сказала Эмилия, любуясь на красивые ботиночки, плотно сидящие на ножке.

В руках девочка всё время таскала с собой тряпичную куклу, сделанную из какой-то мешковины и, вероятно, просто набитую соломой.

Заметив, что Жан смотрит на куклу, девочка погладила её по голове и сказала:

— Это Жули, её сделала мама.

И снова спрятала куклу в большой карман, нашитый поверх старого платья.

Платье девочке он тоже купил, как и куклу. Новая кукла была большой, в розовом балльном платье, с длинными рыжими волосами.

Когда он подарил куклу Эмилии, она долго держала её в руках, потом оставила у него в комнате и сказала:

— Пусть пока поживёт у тебя.

Не стала объяснять почему. Да потом Жан и сам понял.

Жила девчонка в каморке под лестницей, там вместо кровати был большой мешок, набитый соломой. Зато там было тепло, потому что стенка чулана прилегала к кухне.

У трактирщицы было две дочери, одна постарше, чем Эмилия, а другая примерно такого же возраста. Девочки, в отличие от Эмилии, были одеты опрятно, в новую, добротную одежду, и их трактирщица работой не загружала. Во всяком случае, Жан ни разу не видел, чтобы кто-то из дочерей трактирщицы мыл полы или ходил за водой. Иногда старшая помогала на кухне, а младшая вообще только играла.

Через три дня, снова отобрав ведро у Эмилии и принеся воды в трактир, Жан задумался, что надо бы сходить к нотариусу и сделать запрос: а что вообще осталось у графа де Демартена и где теперь живут его жена с дочкой?

На следующий день он пошёл к нотариусу.

Сначала его чуть не выгнали, но когда он достал и продемонстрировал документы, нотариус, пожилой, сухого телосложения мужчина, почмокав губами, сказал:

— Ну вот, молодой человек, а сразу с этого нельзя было начать? Мы же люди подневольные, не имеем права начинать работу, если вы не докажете, что вы за себя просите. Мало ли кто о ком что узнать хочет.

Всё это Жан слушал молча. Только в конце, расплачиваясь, спросил:

— Когда?

Нотариус сморщился, но ответил:

— Всё бы вам, молодым, торопиться. Такие дела разве быстро делаются? Около недели, я думаю, займёт.

Так Жан остался в Бурже ещё на несколько дней. Деньги пока были, прятал их в комнате, с собой носил немного. Всё-таки трактир был расположен не в самом респектабельном районе.

И вот к концу второй недели наконец-то пришло сообщение от нотариуса, что можно приходить.

Нотариус смотрел на Жана с сожалением. Жан успокаивал себя тем, что тот по-стариковски жалеет графа-неудачника. Сел и приготовился слушать.

Нотариус начал с перечисления имущества. Оказалось, что из трёх замков, принадлежавших графу, у него остался только один, самый дальний и труднодоступный. Рудники тоже теперь принадлежали разным людям.

Нотариус откашлялся, сдвинул седые брови и произнёс:

— Думаю, что, согласно постановлению нового короля, вы всё можете вернуть. Если хотите, то я могу этим заняться.

Жан молчал.

Нотариус постарался привлечь его внимание:

— Ваше сиятельство, могу я продолжать?

— Не называй меня так, зови господин Мартен, — голосом, которым он явно отвык пользоваться, сказал Жан.

Нотариус несколько не смутился и продолжил:

— Господин Мартен, тут такое дело, ваша семья...

— Что с моей семьёй?

— Ваша супруга и ваша дочь...

Нотариусу ужасно не хотелось быть тем, от кого граф услышит страшную весть. И он протянул газету полугодовой давности.

На первой полосе газеты была статья под заголовком: «Новые жертвы магической лихорадки».

Сразу под статьёй была магфотография; она была чёрно-белой, но он отчётливо узнал прекрасное лицо когда-то любимой женщины. Сейчас он не знал, есть ли в нём ещё возможность любить. Женщина держала за руку маленькую девочку.

Подпись под фотографией гласила: «Графиня Сара де Демартен с дочерью».

Он не мог читать, буквы почему-то расплывались. Жан уронил газету на пол, глядя на неё, как на ядовитую змею.

Когда он посмотрел на нотариуса, глаза его были сухими.

— Это что? Они умерли?

Нотариус снова с сочувствием взглянул на графа:

— К сожалению, да.

Граф встал, его пошатнуло. Нотариус спросил:

— Господин Мартен, с вами всё в порядке? Может быть, вас проводить?

Граф мотнул головой и направился к выходу.

— А что мы будем делать с имуществом? — попытался вслед ему крикнуть нотариус.

Ответа он не получил.

Жан Мартен шёл по улицам Буржа и не мог понять, зачем ему вообще вся эта жизнь. Почему он не умер тогда, когда у него была возможность задушить этого старого уродца, короля? Зачем он хранил эту никому не нужную верность?

Слева он заметил вывеску, на которой была изображена большая кружка.

Деньги были, и граф зашёл в питейное заведение.

Заведение было не из дорогих, так, обычная забегаловка, и посетители там были соответствующие. И в основном все друг друга знали, а Жан был для них человеком новым, а значит, чужим.

Но Жан не замечал острых взглядов, он пил.

А между тем четверо мужчин, сидевших через стол от него, держали в руках кружки, усиленно делая вид, что пьют кружку за кружкой. Один из них встал, подошёл к хозяину трактира, что-то ему сказал, после чего хозяин с угодливой улыбкой на лице отнёс ещё один кувшин на столик, за которым сидел Жан.

И когда Жан, пошатываясь, вышел из заведения в темноту улицы, он не заметил, что вслед за ним вышли ещё четверо.

Жан уже был недалеко от гостиницы, когда остановился, чтобы унять головокружение от некачественного, дешёвого пойла. Сзади подошли:

— Эй, парень, гони кошелек.

Жан повернулся и тут же получил удар прямо в живот. Человек, ударивший его, повторил фразу, а Жана стошнило прямо на его блестящие сапоги. И его начали избивать. Но Жан не зря считался опасным заключённым. Он знал, что такое настоящая боль, и даже обрадовался возможности выплеснуть то горе, которое испытал, узнав, что его жены и дочери больше нет.

Разогнувшись, он нанёс удар снизу, прямо в челюсть обладателю блестящих сапог, отбросив его сразу на несколько метров назад. Развернувшись, ударил ногой подобравшегося со спины любителя чужих кошельков. Третий получил кулаком между глаз и рухнул как подкошенный. Это был фирменный удар графа де Демартена.

В отравленном алкоголем мозгу мелькнуло, что пора бы вновь начать тренироваться со шпагой. Но шпагу имели право носить только аристократы, а открываться, кто он, пока не входило в его планы.

Возможно, если бы он не был так пьян, а скорее всего, в пойло что-то подсыпали, то он бы услышал, что сзади к нему подобрался ещё один. В руках у бандита был кинжал. Граф де Демартен обернулся и успел схватить нападавшего за руку, но в этот момент что-то тяжёлое

обрушилось ему на голову, и он упал. Бандит с кинжалом в руке наклонился, намереваясь закончить начатое, но тут неподалёку раздался свисток жандарма, и бандиты вынуждены были бежать.

Но перед тем, как убежать, из кармана у Жана вытащили кошель, а их главный демонстративно вытер уже не такие блестящие сапоги о его камзол.

Жан очнулся оттого, что было мокро и холодно и кто-то его тормозил, жалобно поскуливая. Он открыл глаза, голову прострелило болью. Осознал себя лежащим на земле, шёл дождь, даже не дождь, а ливень. На земле возле него сидела Эмилия, гладила его ручками по лицу и что-то тихо поскуливала.

Жан попытался сказать, чтобы она не плакала, что с ним всё нормально, но в горле пересохло, и всё, что он смог выдавить из себя, было похоже на хриплое карканье простуженной вороны.

Но даже это обрадовало девочку, и она уже более внятно проговорила:

— Жан, я так испугалась.

И прижалась мокрой щёчкой к его руке.

С трудом, но Жан заставил себя встать. Пощупал рукой затылок. М-да, удар был сильный, кожа под волосами рассечена и уже образовалась большая шишка.

Жана всё ещё пошатывало, одежда на нём была грязной, поэтому, когда они вместе с Эми вошли в зал трактира, хозяйка брезгливо поджала губы, провожая неприязненным взглядом и его, и девочку.

Если бы Жан знал, почему ему достался такой взгляд, то, вероятно, попытался бы разобратся с трактирщицей. Первым лежавшего в беспмятстве Жана обнаружил один из завсегдатаев трактира и сразу сообщил хозяйке. Та, вместо того чтобы организовать помощь, побежала в его комнату и стала рыться в его вещах, пытаясь найти золото, которое видела одна из горничных.

Но ничего не нашла. Подумала: «Неужели он всё носит с собой? Тогда Рыжему Эду повезло, сорвал хороший куш».

Эмилия проводила Жана до самой комнаты и, прощаясь, сказала:

— С тобой поеду, только не бросай меня.

Жан рухнул на кровать, и последняя внятная мысль его была: «А ведь девчонка права, надо уезжать».

Глава 8.

Впервые со дня попадания в этот мир я выпалась на настоящей кровати, перед этим помывшись душистой смесью, похожей на жиденький гель для душа.

Ночью, когда укладывалась на кровать (не знаю, было ли бельё чистым или нет), меня после целого дня непростого пути и монастырской лечебницы это уже не смущало — я была почти счастлива. Бельё было сероватое, но вроде бы никаких посторонних запахов не было, а цвет, возможно, такой из-за качества ткани.

Выпалась почти без сновидений. Только под утро приснилось, что по дороге, взявшись за руки, идут высокий, мощный мужчина и маленькая белокурая девочка, и я пытаюсь их догнать, но, как это часто бывает во сне, ноги вязнут при попытке ускориться, а крик застревает где-то на выходе. Так я и проснулась.

Моё серое платье, выстиранное и выглаженное, висело на стуле.

«И когда только успели?» — подумала я, забыв, что в этом мире есть магия.

Семья Дижо вставала рано, и я как раз успела проснуться, чтобы позавтракать вместе с ними. На столе всё было очень просто и вместе с тем разнообразно и вкусно. Сыр в основном мягкий, типа брынзы, варёные яйца, каша, свежие овощи. Кофе не было, но был интересный травяной чай, который бодрил не хуже хорошего кофе. Я побоялась спрашивать про кофе: вдруг в этом мире его нет?

После завтрака мадам Дижо провела меня для разговора в небольшую комнатку.

— Здесь нам никто не помешает, — сказала она. — Разговор очень секретный, о таком знают только члены нашей семьи, кому «посчастливилось» родиться с магией.

Немного помолчала и продолжила:

— Скрыть, что у тебя есть магия, не получится, но вот спрятать уровень — вполне возможно. Например, у меня небольшой уровень, и я делаю его ещё меньше, чтобы при сдаче магии с меня не взяли столько, что может пострадать моё здоровье. Маги всегда и живут дольше и отличаются более крепким здоровьем, чем люди без магии. Но только если каждый раз не вычерпывать себя до дна, оставляя что-то и себе. Ресурс магии не бесконечен, и, как и любой ресурс организма, его приходится восстанавливать, лучше всего сном и едой. Помнишь, после того как ты разбила стенку фургона с дверью, ты ощутила слабость, но после того, как немного перекусила, тебе стало легче?

Я и вправду вспомнила, как голова закружилась, ноги подогнулись, а после пирожка от мадам Дижо сразу полегчало.

— Тебе необходимо научиться понемногу сливать магию, — продолжила мадам Дижо. — Для этого есть специальные артефакты, их делают из минерала теон. Сам теон очень опасен, особенно для магов, но в виде артефакта это наш помощник. Я не знаю, сколько тебе понадобится камней, мне достаточно одного маленького камешка.

И с этими словами мадам Дижо сняла с шеи цепочку, на которой висел кулон в виде серебряной капли, внутри капли был розовато-золотистый камень.

Мадам Дижо продолжила объяснять:

— Многие носят теоновые артефакты. Некоторые покупают, чтобы всегда под рукой был источник дополнительной силы, поэтому нет ничего странного в том, что ты будешь тоже носить такой.

— А куда потом из него магия девается? — спросила я.

Мадам Дижо приподняла бровь, удивившись вопросу, но ответила:

— Потом ты можешь её использовать для каких угодно целей, например, поддержка всего магического, что установлено в доме, кристаллы для отопления, горячей воды, очистки, охраны. Вот, возьми. — Мадам Дижо протянула мне камень по размеру чуть больше, чем тот,

какой она носила сама, и сказала: — Я не знаю, каков твой уровень, но мне кажется, что он очень большой, потому что и то, что у тебя резко выросли волосы после использования магии, и то, как ты легко пользовалась силой, говорит о том, что это не просто капелька, а полноводная река.

Волосы у меня действительно выросли, и сейчас их длина доходила до лопаток. Это значит, что со вчерашнего дня длины не прибавилось. Об этом я и спросила мадам Дижо.

— Скорее всего, волосы твои росли в тот момент, когда ты пользовалась магией. Волосы — это проводник магической энергии, и каждая волосинка — это небольшой магический приёмник. Чтобы принять тот поток, который есть в тебе, твои волосы образуют ту длину, которая для этого необходима. Некоторые маги-мужчины убирают волосы в хвост, или самые сильные маги носят косу.

Мадам серьёзно на меня посмотрела и произнесла:

— А теперь, Мари, запоминай, как слить магию в теоновый артефакт.

И мадам Дижо подробно рассказала мне, как пользоваться этими артефактами. И заставила повторить несколько раз, пока у меня не стало хорошо получаться.

Правда, оказалось, что таких камешков мне надо как минимум три, а лучше пять, да ещё и побольше размером. Главное — это слить магию перед днём проверки, во все остальные дни достаточно просто контролировать себя, чтобы непроизвольно не выдать.

Да и ещё оказалось, что эти артефакты жутко дорогие, поэтому мадам Дижо мне сможет дать только один, а на остальные мне придётся заработать самой.

«Ну что же, — подумала я, — заработать — это я умею. Теперь главное — понять, что не так с семьёй Моран».

Пользуясь случаем, спросила у мадам Дижо. Но та не знала, она же всю жизнь прожила в столице, да и тоже, как и сын, не особо интересовалась делами аристократического сословия.

Провожать меня Дижо вышли всем семейством, младший Дижо вызвался проводить до дома семьи Моран.

Мадам Дижо обняла меня и тихо сказала мне так, чтобы никто не слышал:

— Я не знаю, что случилось с тобой, девонька, но помни, что ты совсем не похожа на простую деревенскую девушку, какой представляешься. Если ты аристократка, а судя по уровню магии, так оно и есть, и скрываешься, тебе следует быть осторожнее. Я сегодня говорила с тобой сложным языком, который не все даже образованные люди понимают, а у тебя не возникло вопросов. Не все люди так наблюдательны, как я, но всё же. Будь осторожна и береги себя.

И мадам Дижо осенила меня каким-то круговым знаменiem. И мне бы что-то сказать в ответ, но я же даже не удосужилась узнать, что здесь за религия. Вот же я растяпа.

А ведь мадам права. Я, конечно, не аристократка, но, по всей видимости, этот мир воспринимает меня именно так, раз вернул мне магию, да ещё и в таком количестве. И мне надо быть осторожнее, а то я со своим характером и с двумя высшими образованиями точно не смогу притвориться Мари Фантен, обманутой деревенской девушкой, подавшейся в город на заработки.

Я себе пообещала, что, как только появится возможность, обязательно сделаю подарки всем из этой замечательной семьи.

Но когда мы вышли за ворота, оказалось, что меня уже ждут. Напротив ворот нервно прохаживался... капитан Лекок. Увидев, что я выхожу из ворот, а вслед за мной выходит господин Дижо, капитан весьма недружелюбно посмотрел на нас обоих.

— Долго спите, мадемуазель Фантен, — неожиданно на «вы» весьма своеобразно поприветствовал меня капитан.

— И вам доброе утро, господин капитан, — не удержалась я.

Младший Дижо хрюкнул, оценив сарказм.

— Куда собрались? — А вот капитан не оценил или просто-напросто не заметил: кто их разберёт, местных военных.

Еле удержалась оттого, чтобы сказать, что это не его дело, но вовремя себя удержала. Мне ещё в этом городе жить.

— Иду к месту службы, господин Лекок. — Вот, горжусь собой, как хорошо ответила. Но капитан Лекок снова не оценил:

— А почему так поздно и не одна?

Эх, видимо, бедняга Лекок давно тут меня поджидает, раз такие вопросы задаёт.

Выручил младший Дижо.

— Мадемуазель плохо знает город, вот я и предложил проводить.

И тут этот наглый капитан заявляет:

— Я сам провожу мадемуазель, идите Дижо, занимайтесь своими делами. — И так выразительно положил руку на эфес шпаги.

Но господин Дижо не собирался уступать.

— Мадемуазель под нашей ответственностью, и я обещал проводить её к дому семьи Моран. Всего хорошего. — Дижо приподнял цилиндр и слегка поклонился.

Капитан скрипнул зубами, но проглотил.

И мы с господином Дижо двинулись вверх по улице.

Я еле слышно шепнула:

— Спасибо.

Я совсем не желала подставлять никого из прекрасной семьи Дижо, поэтому сказала:

— Вы можете возвращаться, я справлюсь.

— Не волнуйтесь, — так же тихо ответил мне Дижо, — ничего он мне не сделает.

Идти до дома семьи Моран оказалось не так уж и далеко. Минут через десять мы вышли на широкую площадь, на которой стоял большой фонтан, почему-то не работающий.

— А почему фонтан не работает? — спросила я Дижо. — Ещё не сезон?

— Да нет, раньше этот фонтан работал круглый год, он, так же как и многое здесь, работает на магических кристаллах, но теперь его стало некому поддерживать. Многие маги умерли от магической лихорадки, а главный маг города как раз и был главой семьи Моран. А той магии, которую сдают простые горожане, не хватит, даже чтобы запустить эту красоту.

Так, за разговорами, мы и дошли до дома семьи Моран. Дом был огромен, построенный в готическом стиле, даже горгульи на крыше были, в три этажа — он стоял за большими коваными воротами, возвышаясь, словно памятник какому-то монументализму.

«Боже, мне что, вот здесь предстоит работать?» — Я ужаснулась, что дом огромен, и, вероятно, только на уборку потребуется неделя, а то и больше.

Господин Дижо перехватил мой испуганный взгляд и рассмеялся, правильно поняв, о чём я подумала.

— Обычно чистота в доме обеспечивается специальными кристаллами. И если у семьи Моран есть возможность их заряжать, то вам не грозит целый день бегать с тряпкой по дому.

У ворот никого не было, я поискала что-нибудь похожее на звонок.

— Вы как будто не из столицы, а из деревни приехали, — снова улыбнулся господин Дижо. И, подождав, меня поближе, сказал: — Смотрите. — Показал на круглый диск, расположенный на уровне лица для человека небольшого роста, а высокому человеку было бы необходимо немного наклониться.

— Это называется магзамок и работает так: вам надо встать прямо перед ним, увидеть в отражении своё лицо и чётко назвать своё имя и причину, по которой вам надо в дом. Если вас ждут, то замок откроется — вы войдёте.

Я встала прямо напротив магзамка и, увидев своё лицо в отражении, произнесла:

— Я Мари Фантен, прибыла по поводу службы экономкой.

Какое-то время ничего не происходило, но вдруг, спустя, наверное, целую минуту, что-то скрипнуло, и калитка отворилась. Я обернулась на господина Дижо, но он покачал головой:

— Я не смогу пройти с вами, проход рассчитан только на одного человека. Идите, ничего не бойтесь.

И я пошла.

Меня встретила тишина, двор выглядел несколько запущенным: нестриженные кустарники и когда-то очень ухоженные клумбы.

Я прошла через двор и остановилась перед небольшой лестницей, ведущей к высокой двустворчатой двери, покрытой облупившейся краской.

На двери висело кольцо, я взялась за кольцо и постучала им несколько раз. Подождала немного, прислушалась: мне показалось, я слышу за дверью шаркающие шаги. Постояла ещё немного, потом мне это надоело, и я представила, как дверь отворяется. И чудо произошло!

Замок щёлкнул, и дверь отворилась. Я сделала шаг вперёд и на меня обрушился... водопад.

Глава 9.

Я стояла и в прямом смысле обтекала. Вспомнилось лето в пионерском лагере.

Напротив меня стояла молодая ещё женщина с усталым лицом и расширившимися от ужаса глазами смотрела на меня.

— П-простите, — наконец-то выговорила она, и я поняла, что попалась на совершенно детскую шутку. — Эт-то мои мальчишки, они не нарочно.

— Здравствуйте, — всё-таки решила поздороваться, несмотря на подмоченный внешний вид, всё равно моё серое платье сильно от этого хуже не стало. — Меня зовут Мари Фантен, и я по рекомендации от матушки Боншон.

С эти словами я вытащила письмо и поняла, что оно тоже промокло.

Непроизвольно пожелала, чтобы оно высохло, и протянула женщине уже сухой лист.

Мысленно закатила глаза: «Ну что я за дурёха? Сказали же мне не пользоваться магией, а я вот и дверь открыла, и теперь письмо. Может, никто не заметил?»

Женщина кинула беглый взгляд на письмо, и вот именно с этого момента, наверное, я и зауважала мадам Моран. Потому что она, даже не прочитав письмо, отложила его и предложила мне пройти и переодеться.

«Наверное, я пока всё делаю правильно, раз мне так везёт с людьми», — подумала я, вытираясь чистой холщовой тряпкой и надевая почти новое, приятного зелёного цвета платье.

Мадам Моран принесла мне его, заметив:

— У нас с вами похожее телосложение, если вы не побрезгуете, то я могла бы дать вам одно из своих платьев.

Я только благодарно кивнула. В этом новом мире я решила не разбрасываться тем, что мне предлагают: слишком многого я пока не знаю и не умею, и мне нельзя отказываться от помощи тех, кто готов предложить её бескорыстно.

Уже в сухом платье, со слегка подсушенными волосами (да-да, я всё же не удержалась и представила, что волосы стали посуше) я сидела на диване в небольшой гостиной, а мадам Моран, сидя на этом же диване, читала письмо от матушки Боншон.

Прочитав, она посмотрела на меня и грустно сказала:

— Я понимаю, что вы ехали издалека и наверняка рассчитывали, что вас возьмут на работу, но, к сожалению, я не смогу вам платить. И даже больше: скоро ни мне, ни моим детям будет нечего есть. Да и дом этот могут отобрать очень скоро. Очередная выплата по залогу будет через два месяца, а я вряд ли смогу заплатить.

Мадам Моран тяжело вздохнула и добавила:

— Простите меня. Всё, что я могу вам предложить, — это остаться у нас в доме, если вам некуда идти. Пока не найдёте работу и жильё, вы можете жить здесь.

Я усмехнулась, вспомнив воду, хлынувшую сверху двери.

— Не волнуйтесь, — словно прочитав мои мысли, сказала мадам Моран, — мальчишки больше не станут озорничать. Дети, идите сюда! — крикнула она. — Познакомьтесь с мадемуазель Фантен.

Из-за двери вышли трое мальчишек, двое из них примерно семи-восемью лет, а третий, самый старший, выглядел лет на двенадцать. Они представились, как Эсти, Ами, и самого старшего звали Менер.

Мадам Моран звали Эжени.

Оказалось, что в доме жила ещё мать мужа мадам Эжени, старшая мадам Моран. Но старушка была несколько не в себе, поэтому редко выходила из своей комнаты.

Эжени выводила её погулять раз в день и носила ей еду.

Когда я спросила мадам Моран, как мне её называть, она попросила называть её просто Эжени или мадам Эжени, как мне будет удобнее.

— Я, пожалуй, воспользуюсь вашим предложением, мадам Эжени. — Я решила пока не фамилльяричить. — Мне всё равно некуда идти. Но я не привыкла сидеть без работы. Может быть, вы скажете, что я могу сделать?

И тут вскрылось, что слуг больше в доме нет: платить им было нечем, и мадам всех распустила по домам. Кухонные кристаллы разрядились, а готовить мадам Эжени не умеет, поэтому и решила, что скоро им всем грозит голодная смерть.

Когда она спросила меня, умею ли я готовить всякие сложные вещи, я даже сперва опешила, не поняв, что она имеет в виду.

Оказалось, всё просто: в доме в хранилище было полно всяких круп, муки, то есть всего того, что могло храниться достаточно долго, и, помимо этого, я нашла зарытые в песок картошку, морковь и лук.

К сожалению, ничего мясного не было, потому что мясное они съели почти сразу же. Но зато я обнаружила в подвале, там, где магический кристалл ещё поддерживал холод, немного сала.

Увидев, что я обрадованно схватила кусок, мадам Эжени сморщилась:

— Я не знаю, что это, но это совершенно невозможно есть.

У меня мелькнула мысль: «Вы просто не умеете это готовить».

Но вслух я сказала:

— Не волнуйтесь, мадам, здесь много продуктов, из которых я смогу сделать нормальную еду.

На ужин сделала овощной плов, обнаружив перловую крупу и немного сухофруктов, которые по какой-то причине не были съедены.

Немного подзарядила магией плиту, обратив внимание, что кристалл мигает и почти не греет. Всё равно я стояла спиной к мадам Эжени и очень надеялась, что она не заметит.

Надо было видеть, как такую простую еду наворачивали мальчишки, а Эжени отложила плова в тарелочку и понесла свекрови.

Пока она ходила, я решила спросить мальчишек, как они придумали эту водяную ловушку, в которую я попала.

Оказалось, что главный в банде выдумщиков был самый младший, Эсти. Он подумал, что если охранные кристаллы разряжаются, то надо подготовиться к вторжению незваных гостей, и придумал расположить таз с водой над дверью, чтобы если она открылась сама, то вода сразу же вылилась на вошедшего.

Рассказывая это, он ещё удивился тому, что в последний момент почему-то таз свалился в другую сторону, а вообще предполагалось, что таз тоже должен упасть на голову вошедшего.

И так подозрительно на меня посмотрел и спросил:

— А может, вы магиня? Поэтому вас тазом не пришибло?

На что я ответила, что магия у меня есть, но её немного, так, чтобы тазы отшвыривать. И все дружно расхохотались.

Мадам Эжени задерживалась, и я попросила мальчишек показать мне дом.

Поскольку мама им сказала, что я буду жить с ними, а я ещё их вкусно покормила, доверие ко мне выросло, и меня, может, не на все сто процентов, но точно больше половины, приняли за свою.

Путешествие по дому начали снизу вверх. И первым, что я увидела, была шикарная комната, в которой стояли... манекены. Ну, не такие, как у нас в магазинах, а портняжные.

— Это что за комната? — восхищённо спросила я.

Ответил мне старший, Менер:

— Да это у мамы когда-то была собственная портниха, и в этой комнате она шила маме одежду. Но это когда был папа и мог поддерживать специальные кристаллы. Видите. — Мальчик показал на манекен, на котором были крючочки. — Вот сюда вешается ткань, а потом специальным кристаллом куски ткани сшивались, превращаясь в магическое платье без швов.

— А разве эти кристаллы нельзя заряжать где-то ещё? — спросила я.

Ответила мне мадам Эжени, которая, видимо, не обнаружив нас на кухне, прошла на наши голоса:

— Вряд ли. Чтобы заполнить такой кристалл, надо иметь на службе собственного бытового мага высшей категории, либо ты должен относиться к высшей аристократии: только они обладают таким уровнем магии. Мой муж был именно таким, — грустно добавила она.

— Мадам Эжени, пойдёте, я вам положу плова, — сказала я, понимая, что бедная женщина ещё даже не поела.

Мы прошли с ней обратно в кухню. Было понятно, что здесь семья стала есть совсем недавно, когда стало некому носить еду в столовую.

Пока накладывала плов в тарелку, размышляла, стоит ли говорить мадам Эжени, что магия у меня есть, что я как раз тот самый маг, который может заряжать самые крутые кристаллы.

Ведь просто так мне самой без чьей-то помощи не заработать. А если я не заработаю, как тогда я смогу поехать в Бурж, чтобы найти дочку? Ведь каждый день, пока я не могу этого сделать, она там совсем одна, и не факт, что у неё всё хорошо.

Глава 10.

Бурж

Утром, открыв глаза, граф де Демартен пытался понять, почему он лежит на полу, одетый в грязную одежду, и дурно пахнет.

Вспомнил нотариуса, грязную, дешёвую забегаловку и девочку, Эмилию, которая плакала и просила его подняться. Открыл глаза. Сильно болела голова. Потрогал рукой: на затылке была большая шишка и, судя по тому, что резко зашипало, была рассечена кожа.

Что там сказал нотариус? Стоп! Он не сказал, он дал ему газету. Нет, а как звали его жену? Сара? Сара умерла. Ему не для кого больше жить. Выходит, что он зря держался за жизнь все эти страшные три года.

Как это зря? Он будет жить ради дочери! Его дочь, она жива. Не просто так он оказался в этом трактире. Его дочь, Эмма, жива. Надо только всё оформить.

Граф встал, посмотрел на себя в маленькое зеркало, которое висело здесь же над импровизированным рукомойником. Граф усмехнулся, для таких лишенцев — такие же рукомойники, побитые и без магии. Из зеркала на него смотрел бородатый мужик непонятного возраста с синяком под глазом и ссадиной на лбу.

«Да уж, красавчик», — подумал граф.

Воды в рукомойнике не было, и граф был вынужден выйти из комнаты, чтобы крикнуть хозяйке, что ему нужна вода.

Он вышел на лестницу и увидел, что на полу сидит Эмилия, сжавшая в комочек, а хозяйка трактира лупит её какой-то мокрой тряпкой.

Злость всколыхнулась: какая же гадина! Одним прыжком с лестницы Жан оказался возле трактирщицы и схватил её за руку, которой она как раз замахнулась, чтобы снова опустить мокрую тряпку на белокурую головку.

Трактирщица испуганно взглянула на него.

— Прекрати... ты! — Схватил тряпку, вырвал её из рук распалившейся бабы и бросил в сторону двери.

Трактирщица отшатнулась. А Жан наклонился и поднял девочку с пола. Она прижалась к нему и обняла ручками за шею.

И тут трактирщица заявила:

— Если такой сердобольный, то забирай девчонку себе, одни убытки от неё.

«Вот и славно», — подумал Жан. А девчонка как будто почувствовала его уверенность, ещё крепче прижалась к нему.

Вспомнил, что спустился, чтобы сказать, что у него нет воды, хрипло бросил трактирщице, не выпуская ребёнка из рук:

— Принеси воды и завтрак в комнату. Завтрак на двоих.

И вместе с прижавшейся к нему девчонкой пошёл вверх.

В комнате еле оторвал от себя вцепившегося в него ребёнка, посадил на кровать, открыл окно, потому что в комнате было ужасно душно и до сих пор разило перегаром.

Вскоре в дверь постучали, и в комнату протиснулся тщедушный муж хозяйки с ведром воды. Вслед за ним старшая дочка хозяйки принесла поднос с едой и, перед тем как выйти из комнаты, зло взглянула на сидящую на кровати Эмилию.

Жан пересадил Эмилию к столу и сказал:

— Ешь.

Девочка взяла кусок хлеба и стала жевать.

На подносе ещё были яйца, похлёбка и ветчина, порезанная тонкими ломтями.

— Не хлеб, — сказал он, имея в виду, чтобы девочка брала всё, что ей хочется.

Девчонка испуганно положила хлеб обратно.

Жан выругался про себя, но потом попытался ещё раз:

— Ешь. Всё. Что. Хочешь.

Наконец, он увидел, что девчонка схватила кусок ветчины и начала есть, аккуратно откусывая кусочки и блаженно жмурясь.

Пока Эмилия ела, Жан умылся, надел чистую рубаху и тоже присел к столу.

— Ну, что делать будем? Поедешь со мной?

Девчонка закивала.

Он бы в любом случае её здесь не оставил. Это сейчас лето, а потом наступит осень, да и постояльцы у трактирщицы разные, а она к девчонке относится хуже, чем к своей козе. Неизвестно, кому девчонку отдать готова, гадина.

Но это хорошо, что Эмилия сама хочет с ним поехать.

Он полез в шкаф, туда, где лежали оставшиеся деньги, и обнаружил, что они исчезли. Обыскал два раза, но так и не обнаружил.

— Вот же идиот! И как же теперь добираться куда-либо?

Он посмотрел на Эмилию. Та протянула ему свою тряпичную куколку.

Жан грустно улыбнулся: ребёнок.

— Деньги пропали, как теперь мы с тобой куда-то доберёмся, не знаю.

Девочка вдруг взяла и показала Жану, что у куклы оторвана голова, и снова протянула её ему.

Он взял куклу. В кукле лежал его кошелёк.

— Ты спрятала? — спросил он.

— Да, потому что мадам Грас вчера рылась у тебя в комнате, но я успела раньше, — довольно улыбаясь, ответила девчонка.

— Не боишься, если ты поедешь со мной, что твоя мама тебя не найдёт?

— Мама умерла, — грустно ответила Эмилия, шмыгнула носиком и продолжила: — Я слышала, как мадам Грас об этом говорила. — Потом взглянула на Жана и шёпотом спросила: — А ты? Ты мой папа?

Жан даже вчера, когда нотариус показал ему газету, сдержался, но сейчас, после того как Эмилия очень тихо спросила, он вдруг почувствовал, что не может дышать, что в горле образовался ком, а газа странно защипало. Жан сжал зубы, молча подошёл, снова взял девочку на руки, прижал к себе, уткнулся носом в светлую макушку и тоже прошептал:

— Да, я твой папа.

И его чуть не оглушил крик:

— Я знала! Я знала! А они мне не верили!

Жан сказал:

— Тогда собирайся, сегодня же мы с тобой уезжаем. И да, я буду называть тебя Эми, ты же не против?

Эми кивнула, подбежала и взяла куклу, которую он ей купил, обняла её и села.

Жан и сам понял, что сморозил глупость: что ей собирать? Все её пожитки — это то, что на ней надето, да ещё кукла.

— Сиди здесь, я пойду куплю лошадь и вернусь.

Жан встал, чтобы выйти, но Эми тоже вскочила и вцепилась в него.

— Я вернусь, посиди здесь.

Он смотрел, как она обречённо села обратно, держа за руку куклу почти с неё ростом, и смотрела на него глазами, полными слёз.

Вернулся Жан в трактир только через три часа. Получилось не так быстро, как собирался. Сначала долго ходил по рынку, пока наконец не нашёл коня, который не упадёт после первого же лёё.

Потом ходил к нотариусу, оформил все необходимые документы и ещё взял бумагу, которую следовало оформить за подписью временного опекуна, которой являлась мадам Грас. Нотариус ему сразу сказал, что если он увозит из города свою дочь, то всё должно быть оформлено по закону. Иначе всякое можно ожидать от таких трактирщиц. С неё станется заявить в жандармерию, просто назло.

Первым, что он увидел, подъезжая к трактиру, была Эмилия в разорванном платье. У платья был оторван рукав, как будто она с кем-то дралась, а в руках она держала куклу, у которой не хватало одной руки. Впрочем, рука от куклы тоже нашлась, она лежала тут же в пыли перед трактиром.

Он спешил, Эмилия тут же подбежала к нему и прижалась.

— Что случилось? — спросил Жан.

— Они сказали, что ты уехал, а меня оставил здесь, потом они хотели забрать Кати, — всхлипывая и вытирая нос кулачком, начала рассказывать Эмилия.

— Кати? — не понял Жан.

— Кати. — Эмилия кивнула и помахала покалеченной куклой.

Жан взял Эмилию за руку и вошёл в трактир. Он бы сразу уехал, но ему требовалось оформить бумаги, чтобы не оставить трактирщицу и шанса навредить ни ему, ни девочке.

На удивление разговор с трактирщицей получился коротким. Всё упиралось только в деньги. У этой твари, по какой-то случайности выбранной матерью Эмилии в качестве временной опекуны, бегали глазки, когда она пыталась посчитать, какую сумму будет готов заплатить этот странный и страшный мужик. И её не волновало, что будет с девочкой. Получив свои деньги, она без возражений подписала требуемый документ.

Со слов трактирщицы, мать девочки действительно умерла, не пережив ритуала передачи магии.

И уже через полчаса, усадив девочку перед собой на специально установленное на седло мягкое сиденье и укрыв её новым плащом, граф де Демартен выехал за ворота Буржа. В дорожной сумке были заверенные нотариусом документы на графа де Демартена и его дочь Эмму де Демартен.

А трактирщица, после того как налюбовалась на полученный от «бородатого придурка» луидор, наконец-то посмотрела, что за бумагу она подписала. Это было свидетельство о смерти Эмилии Фантен.

Глава 11.

Шантильи

Решила пока подождать с рассказами о своей магии, присмотреться, выяснить побольше информации. Много было непонятно. Почему такой огромный дом? Да и про мужа мадам Эжени говорит как про человека, относившегося к высшей аристократии, а фамилия у них совсем простая, нет никаких приставок и титулов.

На обед приготовила картофельно-морковные драники, не было яиц, поэтому как получилось, так и получилось, но всем понравилось.

После обеда мадам Эжени спросила, не буду ли я против познакомиться с её свекровью, очень уж старушка заинтересовалась новой... На этом месте мадам Эжени запнулась, подбирая слово, вероятно, никак не могла назвать меня служанкой, но потом всё-таки нашла хорошее определение и сообщила: гостьей. Мне понравилось, что мой статус в этом большом доме — гостя.

За старушкой Эжени пошла одна, хотя я предлагала ей помощь. И уже скоро вернулась, ведя под руку... Нет, старушкой эту женщину назвать было нельзя.

Хотя дама была, безусловно, в годах, о чём свидетельствовала седина в волосах, морщинки у глаз и у губ, немного выдавала возраст шея, которая была умело прикрыта платком, но если не присматриваться, то было не заметно, и руки, на которых было немного пигментных пятен, свойственных возрасту. Но в целом осанка, выражение ясного ума в красивых глазах, лёгкая полуулыбка — всё говорило о том, что это женщина, а не старушка.

Мадам Моран-старшая представилась как маркиза де Трас, и я вопросительно посмотрела на Эжени. Та вздохнула и в свою очередь вопросительно взглянула на свекровь. Маркиза де Трас кивнула, и Эжени, усадив свекровь, рассказала такую историю.

Этьен Моран, тогда ещё виконт Этьен де Трас, влюбился в юную горожанку Эжени и, несмотря на гнев отца, наплевал на титул и наследство и женился на ней. Молодая семья переехала в Шантильи в дом матери Этьена, которая не могла бросить сына без помощи и предложила ему жить в доме, который принадлежал только ей. Этьен устроился на службу и вскоре стал главным магом города. Силу у него вместе с титулом никто не мог отобрать. Здесь уже и родился первенец, сын Менер.

Через несколько лет родился второй сын, за ним — третий, состояние главного мага росло, но... Вот всегда есть такое «но».

Кто-то позавидовал и написал донос. А старый король к тому времени всё больше сходил с ума. Этьена арестовали. Потом началась эпидемия магической лихорадки. От болезни умер отец Этьена, но так как из завещания родной сын был вычеркнут, то королю тоже ничего не досталось, а всё перешло детям родного брата отца, которые попросили маркизу де Трас освободить семейный замок. И маркиза, забрав любимого кота, переехала в свой дом в Шантильи к несчастной невестке, которая едва справлялась без мужа с тремя детьми. Небольшой капитал, накопленный мужем, быстро уменьшался, тем более что пришлось заплатить большой штраф городу за невыполнение главным магом своих обязательств по причине... не выхода на службу.

Вскоре пришло официальное письмо, что Этьен Моран сознался во всех преступлениях и был повешен.

После такой страшной вести у маркизы де Трас отказали ноги, а Эжени попыталась покончить с собой. Но вскоре взяла себя в руки и стала продолжать жить. Получалось не очень, деньги быстро кончались, дети требовали много сил и времени. Эжени умела шить, но денег, чтобы купить ткани, и опыта, чтобы найти клиентов, а также магии, которая делала бы эти вещи более привлекательными, у неё не было. Поэтому они вместе со свекровью решили заложить дом.

— Вот и вся история, — со слезами на глазах закончила рассказ Эжени.

Я посмотрела на маркизу. У неё-то должна быть магия, она же аристократка.

Маркиза, как будто прочитала мои мысли, сказала:

— После того как ослабли мои ноги, магии стало очень мало, и большая часть уходит на поддержание дома и охранных кристаллов.

Я смутилась:

— Простите, я ...

— Ничего, ничего, Мари, — успокоила меня маркиза, — вы имели право задать этот вопрос. Но и я, если позволите, задам вопрос вам. Видите ли, у меня есть родовой дар, который позволяет видеть, есть ли магия у человека или нет и какая это магия. Так вот, я вижу, что у вас магия есть, и это высшая бытовая магия. Это так?

— Да, вы правы, маркиза, именно такая магия у меня и есть, — не стала я скрывать очевидного. — Но её тоже не очень много, да и никто не учил меня, как ей пользоваться.

— Скажите, — снова заговорила маркиза, — а кто из ваших родителей относится к аристократии?

— Дело в том, что я не помню почти ничего, — честно ответила я. — У меня тоже есть история.

И я рассказала, что пришла в себя в лечебнице для бедных при монастыре, с полной потерей памяти, после неудачного ритуала по передаче магии. Спасибо матушке Боншон, что рассказала, что у меня есть дочь, и отправила меня в семью Моран.

— И вы вообще ничего не помните? — с жалостью спросила Эжени.

— Совсем ничего, — ответила я.

— Вы выжили, это само по себе чудо, да ещё и магия у вас не исчезла, — обозначила маркиза и, немного помолчав, добавила: — Очень интересно.

Чтобы перевести разговор с опасной для меня темы, я спросила про комнату для шитья. Маркиза и Эжени переглянулись и рассказали, что никакой приглашённой портнихи не было, это Эжени шила наряды и сдавала их в салон, куда ходят аристократки; ей платили неплохие деньги. А скрывала она это, потому что муж не позволял ей работать, он считал, что должен сам обеспечивать семью. Эжени процитировала мужа, он всегда говорил: «Если тебе нравится, то просто занимайся этим для себя. Ни у кого не должно быть сомнений, что я в состоянии обеспечить свою семью».

Я подумала: «Вот же никакой самостоятельности для женщин, а помог бы супруге открыть небольшое дело, и сейчас, возможно, у неё был бы доход. Не всем нужны платья с магией, кто-то покупал бы просто сшитые обычным способом».

Пока ещё работали кристаллы и была ткань, Эжени сшила ещё несколько платьев, но вот уже два месяца ничего нет.

Владелица салона предлагала ей ткань, но без магических кристаллов невозможно сделать платья без швов.

— А можно посмотреть на кристалл? — спросила я.

Маркиза кивнула, и Эжени принесла небольшую шкатулку. В шкатулке, рассчитанной на четыре кристалла, каждый в своём гнезде, лежали правильной овальной формы гладко вытесанные камни розовато-жёлтого цвета размером примерно в половину женской ладони.

— Можно? — спросила я, намереваясь взять кристалл в руку.

— Осторожнее, — предупредила маркиза, — ёмкость у кристалла довольно большая, и вы можете слишком много предать магии.

— Я буду осторожна. — Я благодарно кивнула и, взяв в руку кристалл, представила, как передаю маленький ручеёк, делая так, как меня научила мадам Дижо.

Постепенно я почувствовала, что кристалл стал тяжелее, как будто он был полый, а я насыпала в него песок. Прислушалась к себе: показалось, что есть небольшая усталость, как

после подъёма на девятый этаж пешком, но вроде бы пока ещё до такой сильной усталости, которую я почувствовала в первый день применения магии, ещё тогда в дилижансе, далеко. Но я всё равно не стала брать второй кристалл, решив, что в этом случае могу шокировать женщин Моран своими способностями. Почему-то мне казалось, что не всякий, даже сильный маг способен подряд зарядить два кристалла.

Положила кристалл обратно в шкатулку.

— Посмотрите, похоже, что мне удалось слегка подзарядить кристалл.

Маркиза взяла кристалл из шкатулки, потом ошарашенно посмотрела на меня:

— Да он полный! Как вам это удалось? Как в себя чувствуете? — воскликнула маркиза.

— Я не знаю, — устало ответила я, только после слов маркизы ощутив, что действительно зарядка кристалла далась мне непросто.

— Да вы бледная. — Маркиза повернулась к Эжени. — Милая, принеси чаю с... если там остались эти д... лепёшки. Срочно принеси их для нашей... гости.

— Спасибо, — только и успела я сказать и... потеряла сознание.

Глава 12.

Пришла в себя и сперва не могла понять, где я. Высокий потолок, но не серый, а белый, белого же цвета бельё. За большим окном было темно.

«О боже, я потеряла сознание, — мелькнула мысль. — Я зарядила крутой кристалл и потом потеряла сознание».

Потом подумала, что хорошо, что я не проспала целую ночь. А второй мыслью было: а как они меня сюда оттранспортировали — мадам с больными ногами и довольно хрупкая Эжени?

Стоило мне приподняться на кровати, раздался мелодичный звон, и вскоре в комнату вошла мадам Моран.

— Мари, как вы себя чувствуете? — тепло и с искренним сочувствием в голосе поинтересовалась Эжени и добавила: — Вы нас так напугали.

— Простите, что доставила вам хлопот. Но как же вы меня сюда донесли? — всё-таки задала я волновавший меня вопрос: вдруг в доме есть ещё кто-то, а я здесь раскрываюсь, вся душа нараспашку.

Эжени улыбнулась:

— На это у маркизы де Трас магии хватило, да и комната эта совсем рядом.

— Спасибо! Я и сама не ожидала, что упаду в обморок. — Голос мой звучал хрипло.

Эжени всплеснула руками:

— Эти кристаллы такие большие, даже Этьен не мог наполнить кристалл за один раз, ему требовалось два-три дня. — Потом радостно добавила: — Зато теперь такого кристалла хватит на пять или даже шесть платьев. Спасибо вам, Мари, мы в таком долгу перед вами. Теперь я смогу сшить платья, и у нас появятся деньги.

Мне в голову пришла мысль, что владелица салона, в который Эжени носила платья, пользовалась тем, что Эжени не знает настоящей стоимости этой одежды, не зря же она даже была готова дать ткань, лишь бы Эжени продолжала шить.

— Эжени, а сколько вам платили за платье? — спросила я.

— Двадцать су, — тут же ответила Эжени.

Посмотрела на моё удивлённое лицо. Удивилась я, конечно, оттого, что не понимала, это много или мало, но Эжени поняла это по-своему и поспешила сообщить:

— Что вы, Мари, двадцать су* — это целый ливр.

*(*Ливр делился на 20 су. Золотой луидор составлял 20 ливров)*

Но у меня были свои соображения.

— Эжени, а сколько вы должны по закладной за дом?

Эжени опустила голову и ответила:

— Сто луидоров.

Я хмыкнула, но переспросила:

— А сколько это в су? Давайте посчитаем.

И я в уме, собственно, как и привыкла, посчитала: чтобы рассчитаться по закладной на дом, нужно набрать сорок тысяч су. О чём и сообщила несчастной вдове.

Эжени вдруг осела, и я испугалась, что она сейчас потеряет сознание и упадёт прямо на пол. Но Эжени удержалась и посмотрела на меня глазами, полными слёз.

— Но как же так, откуда так много?

Конечно, я не могла ответить на вопрос, откуда так много, возможно, этот дом стоил больше, но сейчас надо было решать то, что было срочно, и я спросила:

— Сколько надо собрать на следующий платёж по закладной?

— Луидор, — ответила Эжени, — нам нужен луидор.

Я посчитала:

— Значит, нам нужно двадцать ливров или четыреста су.

Эжени снова попыталась упасть в обморок. Но я ей не позволила.

— Эжени, сколько стоит магически сшитое платье?

Оказалось, что Эжени была не в курсе расценок, и тогда мы пошли к маркизе де Трас. Уж она-то точно должна была знать цены на роскошь. А я так поняла, что магически сшитые платья относились к роскоши не меньше, чем фамильные бриллианты.

Как я и предполагала, маркиза де Трас сразу смогла ответить на вопрос.

— Три-пять луидоров, — сказала она, и я увидела, как лицо Эжени Моран вытягивается. Кажется, она снова засобиралась осесть в обморок.

Но ещё было рано, потому что и Эжени, и мадам де Трас были нужны мне обе.

Я спросила:

— Мадам де Трас, а вы можете примерно подсказать, сколько в этой цене составляет стоимость работы?

Мадам де Трас посмотрела на меня цепким взглядом и медленно произнесла:

— На платье, сшитое обычным способом, цена колеблется от пятидесяти ливров до полутора луидоров.

Выполнив в голове нехитрые вычисления, я решила проверить своё предположение.

— Значит, стоимость магической работы на одно платье — примерно два-три луидора?

— Выходит, что так, — подтвердила свекровь Эжени.

Эжени, возможно, и не умела хорошо считать цифры со множеством нулей, но посчитать разницу между одним ливром и двумя луидорами она смогла.

«Вот теперь можно», — подумала я, увидев, что Эжени снова оседает в обморок.

Маркиза де Трас озабоченно посмотрела на невестку, которую я осторожно пристроила на диване, и спросила:

— Что с ней?

— Владелица салона платила ей двадцать су за одно платье, — ответила я.

И тут я увидела, почему нельзя злить магов.

Глаза маркизы сверкнули чем-то оранжевым, потом по комнате пронёсся ветерок, диван, на котором лежала Эжени, стол, стоявший рядом, — всё это поднялось в воздух и потом резко опустилось. Ещё один слабенький порыв взметнул мои волосы, я только сейчас с удивлением поняла, что на мне нет платка, а волосы выросли до пояса. И... всё закончилось, потому что маркиза была опытным магом и быстро сумела взять магию под контроль.

— Этого нельзя так оставлять, — жёстко проговорила маркиза, и я поняла: наш человек, сработаемся!

Привели в чувство Эжени и все вместе, больше, конечно, я и маркиза де Трас, договорились о следующем: вызываем на завтра портниху сюда, в дом. Разговаривать с ней буду я в присутствии маркизы. Маркизе не дело опускаться до уровня всяких там портних.

Если портниха не соглашается на наши условия, то в городе есть ещё один салон, можно попробовать и там.

Мне идея понравилась, тем более что если появятся деньги, то и в Бурж я смогу поехать как можно скорее. Сердце моё было беспокойно.

А пока приготовила снова плов из перловки с овощами и сухофруктами, всех накормила и после ужина попросила мальчишек ещё мне показать, что есть интересного в доме и в саду. Потому что и маркиза, и Эжени оказались дамами впечатлительными, и после ужина каждая пошла отдыхать.

Ну а во мне энергия так и бурлила.

В саду за домом был высохший фонтан, по краям дорожек стояли невысокие столбики, похожие на фонари. Старший сын Эжени, Менер, подтвердил, что это и есть магические фонари, но без кристаллов они не работают, та же история и с фонтаном.

Мальчишки сказали, что бабушке едва удаётся справляться с подпиткой охранных кристаллов.

— Вот я вырасту, и магия моя проявится, — говорил Менер, — и тогда я стану сам всё заряжать.

И тут я вспомнила, что капитан Лекок настоятельно мне не рекомендовал идти к дому семьи Моран поздно вечером, об этом я и спросила у братьев.

Ответил мне снова старший:

— Да, раньше рядом с нами были дома других магов, но многих арестовали, так же как и отца, и теперь на нашей улице осталось всего два жилых дома. А в остальных больше никто не живёт, и охранные кристаллы никто не обновляет, и там, конечно, уже много разграбили. А как дело к вечеру, то здесь постоянно ходят какие-то личности. Мы тоже не выходим вечером за ворота.

Немного помолчал, потом, видимо, вспомнил что-то и добавил:

— Бабушка говорит, что даже жандармы сюда не приходят: слишком опасно.

— А что будет, если бабушка не обновит охранный кристалл? — спросила я.

— Защита исчезнет, и кто угодно сможет зайти к нам, — ответил Менер и тут же воинственно показал кулак. — Пусть только попробуют, уж мы их встретим.

— Да-да, мы встретим, — тут же подхватили младшие братья.

А я, вспомнив, как «тепло» встретили меня, улыбнулась: хорошие мальчишки.

И вдруг, словно в ответ на наши воинственные крики, кто-то сильно ударил по воротам.

— Что это? — Я реально испугалась: магии пока было немного, а здесь, во дворе, не только я, но и ещё трое мальчишек.

— Не волнуйтесь, Мари. — Менер принял мужественный вид. — Они каждый вечер пробуют, но бабуля сегодня заряжала кристаллы, им не пройти.

Я осторожно подошла к воротам и вгляделась в темноту. За воротами мелькнуло белое лицо. Это точно был не человек, или в темноте мне так показалось. Он или оно стояло примерно в метре от ворот и смотрело прямо на меня. И тут произошло то, что я потом вспоминала с содроганием. Это существо неожиданно облизнулось толстым, длинным и красным языком.

Я вскрикнула и отшатнулась от забора.

Мальчишки, которые под светом единственного горевшего фонаря дрались с каким-то кустом, тут же подскочили ко мне.

— Что там, Мари? — крикнул Менер.

— Там, там, там... — начала я говорить, но потом передумала, решив, что ещё не хватало детей перепугать. Поэтому взяла себя в руки и сказала: — Там кто-то прошёл, вот я и испугалась.

Взяла мальчишек за руки, и мы прошли в дом. Если утром я и хотела послать Менера к портнихе, то теперь пойду с ним сама: чёрт его знает, что там, за воротами. Нечисть какая-то. Надо бы разузнать: она здесь вообще водится? А то, может, это со мной что-то не то?

А утро началось с того, что в дверь постучали.

Глава 13.

Я впервые увидела, как работает магический замок. Показалось, что стук раздался прямо в дверь, но на самом деле за дверью никого не было. Человек, стучавший, находился за воротами и стучался в магический замок.

Мы как раз сидели и завтракали. Маркиза де Трас, которая милостиво позволила мне называть её мадам Элиз, тоже сидела с нами, и мы вот такой вот дружной семьёй поедали очередной «шедевр» от попаданки под названием «овсянка, сэр». Хорошо, что ещё оставались сухофрукты, а то без сахара, боюсь, это творение есть было бы невозможно.

Внезапно, после того как раздался стук, маркиза замерла, прикрыла глаза и произнесла:

— Это капитан Лекок. Интересно, что это ему понадобилось? Я его не видела со дня, когда они принесли известие о смерти Этьена.

На этих словах у маркизы увлажнились глаза. А я подумала, что Лекок, вероятно, появился по мою душу: уж больно однозначные знаки внимания он мне оказывал, да ещё и ждал возле дома Дижо.

А маркиза тем временем обратилась ко мне:

— Мари, ты бы не могла мне помочь? Я отсюда не смогу открыть дверь, уже с утра обновила охранный контур. А вот если ты меня подведёшь поближе, то, думаю, у меня получится.

— А я сама могу это сделать? — Чёрт меня за язык дёрнул.

— О, я была бы тебе очень благодарна, тебе нужно подойти к воротам и пожелать, чтобы они открылись, влив капельку магии, — сказала с улыбкой маркиза и, взглянув на Эжени, добавила: — Чуть позже я настрою на тебя управление, чтобы не надо было каждый раз ходить.

И я, конечно, окрылённая тем, что мне оказали доверие, радостно поскакала открывать калитку, совершенно позабыв о том, какая наглая рожа этот капитан Лекок.

Сегодня я снова была в одном из платьев Эжени. Платье было приятного кремового цвета в розовую полоску, рукава были сделаны буфами до середины руки и отделаны по краям розовой лентой, небольшое круглое декольте тоже было с такой же отделкой.

А я ещё была без платка. Отросшие пепельно-блондинистые волосы хоть и были убраны в самодельный пучок, который мне удалось накрутить при помощи ленты, тоже выделенной хозяйкой, красиво оттеняли и платье, и всю мою уже немного отъевшуюся фигурку.

Подошла к воротам и только после того, как открыла их, влив капельку магии, вспомнила, что мне говорила мадам Дижо о том, что надо скрывать магию от незнакомых. Конечно, капитана Лекока я уже знала, но от таких знакомых наверняка магию надо было скрывать ещё более тщательно.

«Может, не заметит», — подумала я.

Капитан вошёл:

— Мадемуазель?

Я не стала отвечать, сложила руки и предложила ему пройти в дом, не забыв опустить глаза.

Капитан ещё раз взглянул на меня, но, похоже, не узнал. Пока шёл к дому, пару раз оглянувшись. Войдя в дом, очень вежливо поздоровался с маркизой и Эжени, а потом...

А потом маркиза сказала:

— Спасибо, Мари.

И капитан, сопоставивший все факты, нахмурившись, уставился на меня и спросил:

— Мари? Мари Фантен?

Пришлось признаваться.

Оказалось, что капитан всё-таки пришёл по мою душу.

— Это отлично, — заявил капитан, — я как раз пришёл к вам.

Маркиза де Трас и Эжени удивлённо на меня посмотрели, а я поняла, что ещё не успела рассказать дамам, как интересно проходило моё путешествие в Шантильи из столицы.

— Мы познакомились с капитаном по дороге из столицы в Шантильи, — вздохнув, пояснила я, понимая, что для двух женщин, уже давно живущих в атмосфере «никому нельзя верить» это звучит по меньшей мере странно.

Но капитан сам меня выручил, сообщив, что он сопровождал графа из поездки в столицу, когда они наткнулись на разграбленный дилижанс, где я была одним из пассажиров.

— Тогда-то я и узнал, что девица собирается к вам на службу, — сказал он маркизе де Трас.

Мне показалось, что после этого лица маркизы и Эжени даже посветлели.

— Так вот, милая, — снова заговорил этот представитель власти, а меня даже передёрнуло от такого фамильярного обращения, но капитан, конечно, этого не заметил и продолжил: — Я выяснил, что вы так и не зарегистрировались в мэрии, что прибыли в город и собираетесь здесь работать.

Умом я понимала, что женщины того сословия, к которым относилась Мари, могли быть и «милыми», и «крошками» и так далее, как того пожелает аристократ, но я-то не она, и я не позволю называть себя милой.

— Капитан Лекок, могли бы вы называть меня просто по имени или фамилии? Мне кажется, что обращение «милая» как-то не вяжется с тем, что мы с вами незнакомые люди, — немного длинно, но зато всё, что хотела, сказала.

Проговорив всё это, я увидела, что брови у маркизы поползли вверх, и поняла, что, видимо, сморозила ещё одну глупость.

Но капитан не обратил ровным счётом вообще никакого внимания на мою просьбу. Потому как продолжал:

— Каждый вновь прибывший должен зарегистрироваться в городской ратуше в течение двух дней со дня прибытия. И если я не ошибаюсь, то сегодня как раз истекает второй день.

Я подумала, что капитан вряд ли ходит по всем прибывающим в город сам. Что же всё-таки ему надо?

Этим же вопросом озадачилась и маркиза. Она удивлённо спросила:

— Это всё, капитан? Или есть что-то ещё.

— Конечно есть. — Капитан улыбнулся во все тридцать два весьма белых зуба.

— Открылись новые обстоятельства по делу о нападении на дилижанс, и нам требуются показания свидетелей. — В этот момент он посмотрел на меня. — А милая Мари — один из самых важных свидетелей.

И в этот момент мне стало ясно, что не всё здесь чисто, что-то бравый капитан темнит.

Ну и я, конечно же, не удержалась.

— А вы ко всем свидетелям сами ходите, господин капитан?

Но капитан был тёртый калач.

— Нет, конечно, милая, шёл мимо дома маркизы де Трас, дай, думаю, зайду, сообщу, а заодно выражу почтение дамам.

Маркиза спросила:

— Вы будете здесь проводить опрос?

Капитан усмехнулся:

— Ну что вы, маркиза, конечно же нет, да и опрос, скорее всего, проводить буду не я. Госпоже Фантен необходимо сегодня явиться в отделение жандармерии часам к шести вечера, там она и пройдёт этот опрос.

— Но это же уже поздно! — воскликнула Эжени, и мне захотелось благодарно потрясти ей руку. — Неужели нельзя назначить опрос на завтра на утро?

— Никак не получится, — театрально участливо сказал капитан, потом добавил: — Но вы не волнуйтесь, потом я доставлю вашу служанку в сохранности.

Я обратила внимание, что про целость капитан ничего не сказал.

«Интересно, это почему?» — подумала я, но, конечно, вслух спрашивать не стала.

После того как капитан и маркиза ещё обменялись дежурными фразами, капитан встал, чтобы попрощаться, и тут маркиза выдала:

— Мари, иди, проводи капитана.

Вышли с капитаном на улицу, и как только закрылась дверь, его наглые руки схватили меня и прижали к сухому и крепкому телу капитана, одна рука явно нацелилась на ягодицу.

И здесь я снова прокололась. Как будто со стороны услышала звонкую пощёчину и увидела, как мотнулась голова капитана.

В глазах капитана появилось непередаваемое выражение злости, смешанной с восхищением, но злости всё-таки побольше. Зато руки этот бравый вояка сразу убрал.

Мне так стало обидно, и я снова забыла о том, что местные простые девушки на подобное внимание от аристократа реагируют совсем по-другому. Ага, а потом по всему Королевству дочерей оставляют. Но я же не они, поэтому у меня вырвалось:

— Вы что себе позволяете?

Капитан ошарашенно смотрел на меня, вероятно, у него сбились все стандарты поведения красоток. И после моего возмущённого вопроса он выдал совершенно невозможное для этого времени и ситуации... Он извинился.

— Прости, — коротко сказал этот... Лекок и пошёл к воротам.

Уже выходя за ворота, он повернулся и сказал, сбившись на слове «милая»:

— Да, кстати, в отделение регистрации магов тоже зайди, мил... мадемуазель Фантен.

И я поняла, что мои магические манипуляции не остались незамеченными.

Глава 14.

Наконец-то Лекока выпроводили, и я стала собираться к портнихе. Маркиза удивлённо на меня посмотрела:

— Мари, а ты куда?

— Я пойду вместе с Менером. Что-то мне беспокойно опускать ребёнка одного. Ну и потом, надо же теперь в мэрию заглянуть, узнать, что там и как.

Маркиза вдруг снова взглянула на меня, так же как тогда, когда я отчитывала капитана Лекока за фамильярное обращение, но на этот раз она не стала молчать и сказала:

— Мари, ты только не подумай ничего такого. И я, и Эжени — мы тебе действительно верим, да и сама ты, скорее всего, тоже веришь и вправду не помнишь многого. Но я смотрю на тебя, и мне всё время кажется, что на самом деле ты вовсе не деревенская девушка. Ну не может быть у простой девушки ни такой правильной речи, ни таких знаний, ни таких хороших манер, да и магии такой сильной, как у тебя. Да ещё мне всё время кажется, что разговариваю я не с юной девицей, а со зрелой, опытной женщиной.

Я подумала: «Надо же, какая глазастая маркиза».

А вслух сказала:

— К сожалению, я не помню ничего до того момента, как очнулась в лечебнице при монастыре Святого Франциска. А что до возраста, думаю, что это оттого, что пережила я много обид.

Глаза мои увлажнились, действительно стало жалко и себя прежнюю, и несчастную Мари Фантен.

Маркиза даже испугалась:

— Ну что ты, Мари, не плачь, прости, я не хотела тебя расстроить и уже тем-более обидеть. Хорошо, если ты считаешь нужным, иди вместе с Менером.

И мы пошли. Менер хорошо ориентировался в городе.

— Тебя часто отпускают одного? — спросила я, потому как мне казалось странным использовать для посылок собственного ребёнка.

Но оказалось, что отпускают мальчишку совсем нечасто, просто, когда не стало слуг, мама не всегда могла ходить куда-то сама, бабушка заболела, а братья ещё маленькие. И я поняла, что мальчишке пришлось резко повзрослеть и взять на себя ответственность за мать и братьев в силу своих возможностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.